

АНТОН

ЧИЖ

• пять капель смерти •

Родион Ванзаров

АНТОН ЧИЖ

Пять капель смерти

«ЭКСМО»

2013

Чиж А.

Пять капель смерти / А. Чиж — «Эксмо», 2013 — (Родион Ванзаров)

ISBN 978-5-699-60881-2

Русский бунт – бессмыслен и беспощаден. Правителей то травят, то взрывают, то закалывают с особой жестокостью и цинизмом. Народная фантазия по части расправы поистине не знает границ! В начале XX века бывшие бомбисты сменили тактику и решили призвать древних богов для воплощения своих революционных целей. Эти боги жаждут человеческой крови и лишают разума, путь к этим богам лежит через наркотический экстаз... Родион Ванзаров и его верный друг криминалист Аполлон Лебедев сталкиваются с тайной организацией под предводительством безжалостного гермафродита, мечтающей свергнуть российскую монархию. Чтобы раскрыть коварный замысел, полицейским придется вступить в отчаянную схватку с агентами Охранки и заглянуть в бездну...

ISBN 978-5-699-60881-2

© Чиж А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

50

Антон Чиж

Пять капель смерти

Эта болячка не слишком обременяет. Требуется заботы от силы раз в месяц. Тогда я иду в лавку на левом берегу Сены. Опускаю пальцы в корзину, плетенную из ивы. Трогаю. Глажу. Слушаю запах пыли. Пачкаю ладони мягкой шелухой. Хозяин наблюдает сначала терпеливо, потом – раздражаясь, потом отворачивается. Быть может, прощая странности иностранца за старость лет.

Книги я не покупаю.

Они скользят сквозь пальцы. Поймав заглавие, отпускаю его, чтобы немедля вытянуть следующее. Это странно приятно, будто тексты, которые не успеешь прочесть, узнаешь насквозь. Ощущаешь их глубину. В этом есть смутная радость, что-то из другой жизни, из того потерянного далека, что дышит сладкой печалью. Названия мелькают. Страницы шелестят. В душе наступает покой.

В тот день хандра заставила лезть в пыль снова. Обложки привычно рябили. Взглянув, я вернул корзине пожелтевшую стопку, с которой содрали переплет. Внезапно что-то, еще не совсем ясное, заставило выловить беглянку, успевшую юркнуть за «Историю цивилизации» Бокля. Книжечка в пол-листа была потрепана, как старая швабра. Срез лохматился обрывками, корешок сыпался засохшим клеем. От автора осталась дырка, за края которой цеплялись «Ан» и «жь». То, что было между ними, съела пустота. А память моя не разгадала имени.

От вида кириллицы я, признаться, отвык. Русские буквы казались неправильными. Я читал, смакуя забытый язык. Название было, как у чудесных бульварных книжек моего детства: «Божественный яд». Наверняка приключения в Индии или исторический роман о коварных отравителях. Я нетерпеливо слистнул заглавие. И прочел первую страницу. За ней – следующие. Трудно было поверить глазам. Зрение мое ослабло до толстых очков, но тут оно было ни при чем. Неизвестный автор каким-то невероятным образом проник в историю, которая много лет не давала покоя, дразня неразрешимой загадкой.

Я спросил букиниста, сколько месье желает за эту рухлядь. Удивленный внезапному чуду, он хотел отдать за так, но совесть торговца не позволила. Мы сошлись на паре франков за американский роман, а ненужный раритет – в подарок. И расстались, довольные друг другом.

Чуть не бегом вернувшись в свою квартирку, я заварил кофе и принялся изучать ветхий манускрипт. Оторвался же, когда закрыл последнюю страницу, а за окном рассвело. Удерживала меня не интрига. Я знал: если прервусь – выброшу книжонку в окно, или сожгу в плите, или разорву в мелкие клочья. Не смогу справиться с негодованием. Скажу прямо: автор разжег во мне подзабытый гнев.

Что же он сделал? Разузнав отдельные факты, хранившиеся в полной тайне, смешал живых и исторических персонажей, извратил и перепутал события, сплел чудовищную ложь. Причем испачкал дорогой моему сердцу образ Ванзарова. Но хуже всего, что безмозглый писака выдумал, высосал из пальца и нашкрябал такой финал, которого в действительности не было, и раскрыл тайну, которой так никто и не узнал. Во всяком случае – я. Что стало мукой на все эти годы.

Теперь уже не осталось никого, кто бы мог отомстить за литературное преступление. Быть может, и сам автор канул в Лету. На что я сильно рассчитываю. Но если сидеть сложа руки, тайна останется неразрешенной, а друзья мои уйдут в вечность оклеветанными. Чего нельзя допустить, хотя бы ценой самой пенсии.

Писать я не умею, слог мой коряв и ковыляет на обе коленки. Зато у меня хранится бесценное сокровище. Я тщательно собирал факты, показания и документы, касавшиеся того дела. Архив прошел со мной через скитания и уцелел до последней строчки. Я берег его, не

продав популярным журналам, даже когда голодал. Долгие годы я размышлял над ним, искал зацепку, и казалось, что тайна вот-вот сдастся. Но всегда в последний момент она ускользала. Уже много лет не притрагивался я к заветной папке. В ней – мое возмездие.

Я извлекаю архив со всеми записками, показаниями и отчетами, ничего не скрывая. Если кто-то найдет возможную отгадку, тогда бессовестный автор «Божественного яда» будет наказан. А те, кто прочел его пасквиль, поймут, как много они потеряли.

«Истина всегда рядом. Ее надо увидеть», – говорил мой друг и учитель Ванзаров. Мне не хватило остроты логики. Быть может, кому-то повезет больше. Тайну Ванзаров знал, но так и не открыл мне. Лишь уверял, что ключ у меня в руках. Ныне я предоставляю этот ключ каждому, кто рискнет взяться за мой архив. Чтобы логика и разум победили мрак безвестности. И свет воссиял.

Николя Гривцов,

коллегский секретарь Департамента полиции в отставке.

Март 1953-го, Париж

Показания артельщика Ярцева Василия

Прибыли мы в Петербург к концу октября. Услыхали от наших, вологодских мужиков, что зимой в городе выгодное дельце имеется: резать лед на Неве да продавать. Ну, Макар, старшой наш, смекнул: за дурную работу платят, а зимой в деревне делать нечего, отчего бы не заработать. Дал «на лапу» исправнику, чтоб выправил паспорта, взял в аренду соседскую лошаденку. В артель же позвал Петьку, Кольку да меня. Все – Ярцевы. Не родственники мы, только фамилии похожие. И отправились, значит, к первому льду. В столице разыскали нашенских, те подсобили войти в ледорубное дело. Так и начали промысел. Патенты на заготовление льда речная полиция распределяла. Само собой, чтоб получить делянку, тоже надо было подмаслить. Но брали по-божески. Макар не терялся, устроились хорошо.

Лед пилили брусками в метр длиной и полметра шириной, называемыми «кабаном». Вытянем «кабана» из проруби, сложим на узкие волокуши и прямо с реки отправляем: в ледники складов, магазинов и ресторанов прочих. Дело выгодное. Льда до следующей зимы хватало. А нам денжат. Своим в деревню отправляли гостинцы. Хорошо было. Макар артель в строгости держал, водки – ни-ни. А тут на Рождество зашли в трактир праздник отметить, и понеслось. Очнулись дня через три, когда все спустили до нитки. Хорошо хоть лошадь не пропили.

Макар обозлился, орал на нас с матюгами, чуть было поленом лошаденку не зашиб. А что мы, виноваты, что ли, будто сам не пил. Ну ладно. В тот день, это, значит, числа тридцатого декабря было, а может, и под Новый год, встали засветло, даже чаю напиток не дал, пошли на реку. Мороз, да и лошаденка наша не кормленная, копыта еле переставляет, волокуши тянет. Ну ладно. Добрались кое-как.

Макар выбрал делянку между Биржевым и Тучковым мостами, там, где правый рукав Невы остров Васильевский огибает. Конечно, местечко глухое. Местные артельщики уходят правее, за линию электрического трамвайчика, что бежит по замерзшей реке от Дворцовой до Мытнинской набережной за три копейки с пассажира. Присматривали делянки ближе к Зимнему дворцу и Петропавловской крепости то есть. Оттуда везти быстрее и легче. А мы без претензий. Спасибо, что работа есть.

Бредем, значит, мороз душу выворачивает, темно еще. Вдруг Колька говорит:

– Чегой-то на льду темнеет.

Макар на него огрызнулся, дескать, чего рот раззявил, а сам заторопился. Ну и мы за ним. Подходим. У самого края проруби – видать, в праздник на Святки кто-то работал, чухонцы,

наверно, кто же еще в праздник работать будет – человек лежит. Пальто распахнуто, пиджак расстегнут, а лицом в снегу. По виду – состоятельный, чистый такой. Колька говорит:

– Может, пьяный? Помочь надо, замерзнет ведь.

Макар ему:

– Ишь, помощник выискался. Себе помоги. А этому уже все одно.

– Ты почему знаешь? – Петька, значит, спрашивает.

Макар говорит:

– Глаза протри, холера, вишь – не шевелится. Околел уже. На таком морозе долго не пролежишь. Да и пальтишко скинул.

Тут я встрял: может, в полицию сбегать?

Макар злобно зыркнул и отвечает:

– Чай, желаешь на каторгу угодить и нас с собой уволочь?

– Зачем же каторга, – говорю, – порядок соблюдаем, позовем кого следует. Разве это неправильно?

– Ах, дурья башка! – шипит Макар. – Да тебя же первым виноватым и сделают. Скажут: сам и убил, злодей. Мужик бесправный – сподручный для обвинений. Зачем полиции убийцу искать, когда такой вот умник к ним в руки пришел. Возьмут тебя в оборот – и сознаешься во всем, чего не делал. И мы за тобой пойдем.

– Да разве возможна такая несправедливость с простым человеком, – говорю, – не может такого быть.

Тут Макар совсем осерчал, всякого наговорил, повторять не буду. Колька с Петькой смотрят, как он меня чихвостит, рот открыв. Наконец артельщик наш выдохся и говорит:

– Все, не будет сегодня работы, уходить надо, пока темно. А чтобы с голодухи не сдохнуть, карманы выверните и одежду сдерните. Ему уже все равно, а нам копейка.

Мы с Петькой и Колькой переглянулись, кто первый желает. Никто не желает. Стоим, топчемся, на морозе не сладко. Макар обложил нас последними словами и сам лапы в пальто засунул. Вытягивает пачку ассигнаций, одни красненькие¹, по виду – не меньше тыщи!

– Видали, – говорит, – каков улов! Помогай, растяпы, будет чем душу согреть.

Тут уж нас уговаривать не пришлось. Взялись дружно. Колька перевернул его, на жилетке цепочка блеснула. Петька ее живо содрал с часами и за пиджак принялся, карманы выворачивал. Я тогда еще подумал: чего это мертвец такой мягкий, будто и не на морозе належался? Странное дело.

¹ Купюры по 10 рублей имели соответствующий цвет.

**Конспект лекций жандармского корпуса полковника
Герасимова Александра Васильевича, начальника
петербургского Охранного отделения² в отставке**

Тот случай остался в моей памяти. Скажу больше: он стал хорошим уроком. Жаль, что учимся мы на собственных ошибках. Что поделать, если в нашей работе, господа офицеры, невозможно прописать на каждый случай инструкцию или составить циркуляр. Приходится полагаться на собственное чутье, а оно иногда подводит даже самых опытных из нас.

Это случилось незадолго до Рождества, кажется, 4 или 5 декабря 1904 года. Я прибыл на плановую встречу со своим агентом. Для этих целей имелась явочная квартира в неприметном домишке. Содержалась она за счет отделения, но ключи хранились у меня. Мало ли что.

Как обычно, я прибыл с запасом в полчаса: проверить все, предотвратить любые случайности. Комнату давно не топили, да и не проветривали, воздух был спертым. Я решил не зажигать свет и сидел в сумерках.

Скрипнула дверь. Второй ключ был только у моего агента. Я проверил по карманным часам: агент пунктуален. Замечу, что часы эти были со мной еще с начала карьеры в Харькове, хоть польского серебра³, но я к ним привык. Что-то вроде талисмана.

Агент вошел тихо, сел напротив. Мы не подавали друг другу руку, так было заведено. Я позволил себе несколько ничего не значащих вопросов о здоровье и погоде и затем приступил к делу, спросив отчет о проделанной работе. Отчет излагался с большим количеством подробностей, когда предмет изучен глубоко или желают пусть в глаза пыль. Я терпеливо слушал, ничем не выражая своего отношения. Это было ни к чему.

Окончив монолог, агент ждал моей реакции. Я позволил себе большую паузу, не хуже великого трагика, да хоть того же Щепкина или Варламова-Дальского. Наконец, когда молчание стало тягостным – я давно заметил, что молчание в полутьме всегда кажется предчувствием беды, – сдержанно поблагодарил и сказал:

– Эта информация имеет некоторый интерес. Но для вас, дорогой Шмель, отныне будет новое поручение. Куда интереснее попа Гапона и его фабричных. С этими господами вы прерываете все отношения. Раз и навсегда.

Агент попытался возражать. Я не стал объяснять, что сменить задание пришлось, так как Шмель выдавал откровенную дезинформацию. Видимо, революционное окружение Гапона раскусило предательство. Выдумывать достойные объяснения было утомительно, а сообщить настоящие причины – глубоко ранить самолюбие Шмеля, и так болезненное сверх всякой меры. К тому же агент обходился нам изрядно. Платили ему поболее, чем моему заместителю. Не бросать же деньги на ветер.

Шмель все-таки обиделся:

– Прикажете за лавочниками следить или сразу в филеры отправите?

Не скрою, я неплохо владел мастерством тонких комплиментов, как, впрочем, и умением дергать за рычаги управления человеческой натурой: страхом, деньгами и лестью. К Шмелю я применял лесть, всегда успешно. Объяснив, как мы ценим тот мед, что он приносит в наш улей, я предложил агенту ознакомиться с новым объектом. Закончить мне не дали. Агент сообщил, что удалось нащупать ниточку заговора, по сравнению с которым вся деятельность рабочих кружков Гапона – невинная игра.

Не скрою, я был заинтригован, даже несколько сбит с толку. И попросил изложить неведомую нам угрозу государственному строю, начав с конкретных имен.

² Отделения по охране общественной безопасности и порядка – политическая полиция.

³ Польское серебро – дешевая фальшивка, посеребренный металл.

Шмель сообщил, что ему удалось проникнуть в окружение профессора Окунёва.

Этот веселый господин был нам знаком. Лет тридцать назад он преподавал древние языки в Петербургском университете и позволял себе проповедовать с кафедры свободу, равенство, братство и прочие гулкости. Окунёв проходил свидетелем по делу студенческой террористической группы «Свобода или смерть!». Но привлечь его не удалось, так как прямых улик против него не нашлось. С тех пор он находился под негласным надзором. Однако ничего особенного за ним не числилось.

Года два назад он оставил преподавание и опубликовал в газетах и журналах серию яростных статей, в которых доказывал (в рамках цензуры) бесполезность и вредность религии, писал о свободе личности, не ограниченной никакими запретами. Иногда он читал общедоступные лекции на столь же щекотливые темы. Уличить его в чем-то большем, чем интеллигентская болтовня, не удалось. Серьезного вреда ожидать не приходилось, в общем-то, его держали за городского сумасшедшего.

Выбор господина Окунёва казался, мягко говоря, сомнительным. А скорее бесполезной тратой сил и времени. О чем со всей прямотой я сообщил агенту.

– Вы ничего не знаете! – возразил агент. – А я знаю наверняка, что Окунёву удалось наткнуться в древних текстах на разгадку некоей тайны, которая может перевернуть современную жизнь.

Не удержавшись, я предположил, что Окунёв, видимо, раскусил философский камень, не меньше. На что Шмель очень серьезно ответил:

– Не совсем философский камень, но что-то очень близкое. Он разгадал секрет некоего забытого индийского божества.

Это было чересчур. В столице каждый день растет напряженность, реальные враги готовятся к активным действиям, а мне предлагают игры с индийскими богами... Шмель, ощутив мое отношение, стал торопливо рассказывать, что Окунёв у себя на даче в Шувалове завел корову, подолгу пропадал в полях и вообще что-то варил, смешивал и выпаривал на заднем дворе. Остается совсем немного, чтобы проникнуть в его тайну.

– Он проговорился, что, как только испробует изобретение, у него появится сила, способная в мгновение ока свергать троны и дарить свободу народам, – закончил Шмель.

После такого заявления агента следовало немедленно отправить в отставку. Но что-то меня удержало от разумного и единственно верного решения. Быть может, искренняя, захватывающая уверенность, с какой был произнесен этот откровенный бред. В любом случае я позволил себе слабость, как стало ясно в дальнейшем – непростительную. Я согласился на предложение и дал поручение выяснить, что же там такое намешал Окунёв. Сроку отводилось до 2 января. На следующей встрече я потребую полный и детальный отчет.

Шмель, окрыленный и в целом счастливый, выпорхнул из квартиры. А я – выждав четверть часа и внимательно осмотрев улицу на предмет сомнительных прохожих. Привычка к постоянной бдительности стала моей второй натурой. Жаль, что в тот раз я не вполне ей доверился.

Душевный рассказ капитана Щипачева Андриана Николаевича, пристава 2-го участка Васильевской части

Настроение мое в тот день, Коля, как раз перед Новым годом, по правде сказать, было чудесное. Местные лавочники постарались. Нанесли полные корзины снеди, не говоря о хрустящих бумажках. За что?

За то, Коля, чтобы смотреть сквозь пальцы на разные и мелкие делишки.

А в нынешний год что творится? Какой-то жалкий поросенок, две индейки, пять фунтов конфет да пол-ящика мадеры. Денег – шиш! Где почтение к чину? Нет, совсем народ

испортился. Страх потерял. Смотрят, как заводские бузят, и думают, что им можно. Свободу и гражданских прав желают. Ну ничего, покажу им свободу с правами в отдельно взятой лавке. Напомню, что такое власть участкового и кто дает патент на торговлю. Хорошенько запомнят, что значит местное полицейское начальство в России. Будут как шелковые. Запомнят, что вековые традиции подношения полицейским чинам не подлежат пересмотру. Это не мзда вовсе. Разве благодарность человеку, который денно и нощно печется о защите и покое обывателя, – это взятка?! Это законное уважение к чину.

Так вот. Накануне, Коля, ко всему прочему, засиделся я в гостях у кума, с которым говорили четверть беленькой⁴, отчего кум тихо свалился под стол, а вот я смог добраться до квартиры, хоть по стеночкам.

Скажу так: пристав имеет право и погулять! Кто ему слово скажет? Все городовые и околоточные⁵ в его подчинении. Андриан Щипачев на Васильевском острове – наместник богов, пусть и над 2-м участком. Может себе позволить. Но только в праздники. И где кум берет эту поганую водку? Выпили-то всего ерунду. Вот холодец кума готовит изумительный!

Значит, встал я поутру совсем больной. Скажу тебе так: избегай, Коля, такой напасти, одно мучение от ней. Решил разогнать похмелье ранней прогулкой по морозцу. А холодина была лютая. Иду по Тучковой набережной, рядом с Биржевым мостом. В такое раннее время народу до крайности мало. Отвести душу не на ком. Как назло, только одна пролетка виднелась шагах в тридцати. Сошла с нее барышня в коротком полушубке, темно-синей юбке и шляпке, вуаль густая. Подошла к парпету и на лед засмотрелась.

Думаю: может, курсистка, хочет утопиться? Так куда топиться, один лед. Чего доброго, не убьется, а только покалечится. Ну уж нет, только не на моем участке.

Кашлянул, значит, так строго, официально.

Она вздрогнула, заметила меня, прыгнула в коляску и была такова. Ну и хорошо.

Хотел уже в участок вернуться, но тут меня что-то дернуло: и чего барышне приспичило болтаться утром на морозе? Осмотреть, что ли, Малую Неву? Конечно, река – не моя территория, здесь хозяйство речной полиции. С каждого разрешения на вырубку льда хорошие деньги имеют. А летом навара куда больше. Лодочки, катерки, пароходики. Всем нужно разрешение, бумага с печатью. Люди сами деньги несут. Не то что в участке. Обходишь территорию и лично к должнику заглянешь.

Думаю, значит, Коля, думы печальные, а сам лед разглядываю. Смотреть-то не на что. Как вдруг замечаю рядом с прорубью белый бугорок. Хоть голова раскалывается, осознаю, что стряслось. Вытаскиваю свисток, даю двойной сигнал – тревога, значит.

Из-за угла ближайшего дома выскакивает фигура в черной шинели. Городовой на бегу придерживает форменную шапку из черной мерлушки с гербом Петербурга и личным номером на металлической ленте. По правому боку колотится штатная шашка. Подбегает, отдает честь:

– Разрешите доложить, постовой Романов. На дежурство по околотку заступил в пятом часу утра. Происшествий нет.

Я ему:

– Как несешь службу? Оранжевые шнурки на плечах носить надоело? Я не посмотрю, что ты бывший вахмистр! Почему не на месте?!

– Так, вашбродь⁶, я... Обход...

Тут уж принялся отводить душу:

⁴ Пристав имеет в виду четверть ведра, от которого тогда шел расчет объемов казенной водки.

⁵ Насколько известно мне, должность околоточного соответствует участковому в нынешней России.

⁶ Так народ наш скороговоркой произносит обращение: «Ваше благородие». И правильно, чего язык ломать.

– Молчать! Я тебя научу порядку и дисциплине! Будешь два года сидеть на низшем окладе! Здесь полиция, а не армейский бардак! Происшествий, видали ли, у него нет! Я тебе покажу!..

Романов честь отдает, как примерз. Молодой еще, неопытный. Год как перевелся в полицию из пехотного полка, в самом младшем полицейском звании и на низшем окладе. Обязан терпеть от начальника. Продолжаю:

– Почему один? Где сменные?

Чего спрашивать, и так ясно: двое его напарников-городовых отправились греться в недалекую чайную, а младшего оставили на часах.

– Так, вашбродь, отправились на обход, значит, территории...

Молодец, не сдает товарищей.

– А где околоточный?

– Не могу знать, вашбродь...

– Не могу знать! Происшествий у него нет! А это что такое?

– Где, вашбродь...

– Да вот! – указываю на лежащего рядом с прорубью человека. – Опусти клешню, стое-росина...

От усердия Романов перегнулся через парапет, чуть не свалился, и бормочет:

– Господи, спаси... Да это ж...

Я ему:

– То-то же! Увидел. А раньше не видел?

– Никак нет... Три раза обход делал, как полагается. Не было его...

– Ты на лед смотрел?

– Все прилегающие территории осматривал.

– Осматривал он! Почему я должен все делать сам? Один раз вышел на участок – и сразу пожалуйста!

– Виноват, вашбродь...

– Виноват... Хватит болтать, ноги в руки – и вперед.

– Прикажете санитарную карету вызвать?

– Карета не поможет, – говорю. – Встанешь рядом, и никого не подпускать к телу.

Романов, как видно, от моего разноса совсем обалдел. Вместо того чтобы добежать до ближайшего спуска к Неве, перемахнул через парапет и сиганул в сугроб, что по набережным каждую зиму сваливают с тротуаров. Ну и провалился по пояс. Выкарабкался кое-как и побегал гусиными шажками, а шашка так и болтается. Вот умора!

Знал бы, какая морока выйдет, вот даю тебе честное слово пристава, Коля, никогда бы не высвистал городского. Того, что на снегу-то, почти незаметно было. Еще бы снежком присыпало – поминай как звали. До весны бы не нашли. А весной лед вскрылся, и все концы в воду. В Неву то есть. Из-за болящей головы таких бед на свою голову накликал. Вот так-то, Коля.

Собственноручные записки Николая Гривцова о событиях 31 декабря

Настал черед моим заметкам, составленным по расспросам свидетелей. После описанных событий они собирались спустя некоторое время, иногда несколько лет, систематизировались и раскладывались в должном порядке. Сомневаться в их точности нет оснований.

Признаюсь, некоторые эпизоды пришлось восстанавливать из разрозненных воспоминаний и фактов, как калейдоскоп из осколков, порой кое-что добавляя в логическую цепочку изложения. Не считаю, что погрешил против истины. Без этих подробностей происшедшие события могли показаться излишне упрощенными. Да и как знать, быть может, в мелких деталях скрывается истина. Так что позволю себе представить мои записки в качестве равноправ-

ного свидетельства. Надеюсь, ни у кого нет сомнений в моей честности. Пусть никто не думает, что я позволил себе фантазии или выдумки, поддавшись яду воспоминаний. Когда дело касается раскрытия преступлений, воспоминания неуместны, как бы дороги и сладостны они ни были. А фантазии – вовсе преступны. Факты и выводы, ничего более. Ну и достаточно об этом. Начну с того, что...

Папка № 1

Еще раннее утро. Солнца не видно, небо покрыто серым, словно грозовым саваном. Над обледенелой Невой плывет морозная дымка. На белом полотне замерзшей реки резко выделяются темные шинели. Городовые, стараясь согреться, хлопают в ладоши, другие топчутся. Курить не смеют. Держатся группой, словно опасаясь заглянуть за простыню, натянутую на корявых палках. Белый занавес заслоняет что-то от случайных взглядов. Набережная оцеплена. Хотя зевак или случайных прохожих не видно, кажется, согнали из участка всю роту полиции.

К каменному спуску подъезжает пролетка. С нее ловко спрыгивает плотный господин в теплом пальто без меха. Его отличает крепкое сложение, основательная шея и неуловимое сходство с матерым волком. Спина прямая, держится легко и уверенно. Заметны роскошные усы вороненого отлива. Перед господином, с виду – штатским обывателем, городовые принимают стойку «смирно». Он кивает каждому и спускается по ступенькам, утопающим в снегу.

Навстречу торопится пристав Щипачев, придерживая шашку, еще на ходу отдавая честь.

– Здравия желаю, господин Ванзаров! – рывкает он, отчего с усов слетает хрустальный иней.

Господин протягивает руку, не ленись стянуть крепкую перчатку. Пристав с почтением обменивается с ним рукопожатием.

– Если меня без толку выдернули, я вам этого не прощу, Андриан Николаевич.

Щипачев улыбается сытым котом:

– Не извольте беспокоиться, Родион Георгиевич, – отвечает без заметного трепета. – Исключительное происшествие. Лично никого не подпускал. В девственном виде, так сказать, сохранил. Извольте за ширму заглянуть.

Долгожданному гостю кланяются окоченевшие городовые. Пристав согнал на лед действительно весь участок. Даже доктора Борна не пощадил. На щеках полицейских расцвели румяные облака.

Отдав общее приветствие, Ванзаров заходит за простыню. На снегу распластано тело в белых подштанниках и сорочке. Торчат голые пятки. Руки свободно раскинуты. На вид – нет и тридцати. Длинные волосы сбились в клокья. Гладкое, ухоженное лицо.

– Что здесь исключительного? – спрашивает Ванзаров.

Пристав подает синюю книжицу с золотым орлом. Из дипломатического паспорта следует, что жертва – не какой-нибудь пьяница, что неудачно заснул на льду, а секретарь американской миссии мистер Санже. Со всеми вытекающими последствиями для мировой политики.

Паспорт ныряет в глубокий карман ванзаровского пальто.

– Эдакая коллизия вышла, – говорит пристав, намекая на возможные осложнения в российско-американских отношениях.

– Лично за паспортом в прорубь ныряли?

– Случай помог, – отвечает он с невольным сожалением, дескать, не было бы печали. – Прорубь подморозило, лед тонкий, прозрачный, вот документ и уцелел.

– Повезло нам, пристав. Будьте любезны вызвать медицинскую карету. Тело к себе в участок доставите. Вызовите Лебедева, скажите: я попросил. И не морозьте людей, отпустите греться.

Щипачев козыряет и бежит исполнять.

Ванзаров обходит вокруг тела, разглядывая снег. Наклоняется, чтобы рассмотреть лицо жертвы, аккуратно приподнимает руку, возвращает на снег. Приглядывается к побелевшим пальцам. Снова обходит кругом, удаляясь и возвращаясь к телу хитрой змейкой. Танец знаменитости полицейские наблюдают пристально, забыв о морозе. Со стороны не понять, что он делает. А по лицу, совершенно непроницаемому, не угадать, о чем думает. Загадочная личность. Чем и притягателен.

Ванзаров подзывает фотографа полицейского резерва, смерзшегося с деревянной треногой. Указывает, откуда снимать. Зажмуривается при вспышке магния, отчего усы комично машут хвостиками.

У набережной появляется санитарная карета. Одиноких прохожих отгоняют городовые. Ванзаров подходит и тихо спрашивает о чем-то участкового доктора. Помедлив, Борн неохотно соглашается.

– Господа, протокол осмотра составлен. Не мучьте себя, отправляйтесь в участок. Оттого, что мерзнем все вместе, дело не раскроется, – строго говорит Ванзаров.

Полицейские соглашаются с видимым облегчением.

На льду остается двое городских, пристав и сам Ванзаров. Ветер играет простыней, как флагом капитуляции.

Оцепление прорывает невысокий, сухощавый мужчина с тонкими чертами лица и заостренным, прямым носом, про который физиономист непременно скажет: «Выдает прямой и цельный характер». Господин носит тонкие усики. Несмотря на мороз, шарф не повязал, идеально-белый воротничок рубахи плотно стянут галстуком черного шелка. Пальто распахнуто всем ветрам. Щуплая фигурка кажется былинкой на снежном просторе, пока одолевает десяток сажень до белого полотнища. Пристав тщательно отдает ему честь:

– Здравия желаю, господин Джуранский!

Ротмистр машинально подносит руку к шляпе, вовремя спохватывается, сухо кивает и просит прощения за опоздание. Извинения его обрывают и отдают срочные поручения.

Во-первых, снарядить филера Курочкина на розыски тех, кто снял с жертвы всю одежду. Ванзаров описывает злодеев так, словно видел лично. Ротмистр привык к магическим способностям своего начальника, каковых лишен начисто. И все-таки подробности приводят в смущение Мечислава Николаевича. Что поделать: служба в кавалерии оставляет неизгладимый след в мозгах. Джуранский носит кличку Железный Ротмистр, заработанную стальным кулаком бывшего кавалериста, но более характером: честным, трудолюбивым и упрямым до изумления. За что негласно числится лучшим помощником Ванзарова.

– Уже свидетелей успели допросить? – спрашивает он.

– Вот мои свидетели, – Ванзаров указывает на снег. – У вас перед глазами. Вокруг тела и вон там, в двух шагах. Следы замечаете?

Джуранский озирается напряженно и пристально. То же самое незаметно делает Щипачев. Ничего не обнаружив, ротмистр смущенно выпускает горячий пар, не хуже боевого коня:

– Затоптано все. Трудно разобрать...

– Тогда поверьте на слово.

– Слушаюсь!

– Слушаться – хорошо, а уметь думать – лучше, ротмистр.

– Так точно...

– Ладно, к делу... Поручаю вам, Мечислав Николаевич, почетную, можно сказать, дипломатическую миссию. Знаете, где американское посольство?

– На Фурштаттской улице.

– С вашим ходом минут за пятнадцать успеете. Как прибудете, так прямо с порога и обрадуйте: ваш секретарь господин Санже найден мертвым. С утра пораньше такая новость должна произвести бодрящее впечатление.

– Есть... А дальше?

– Когда посол придет в себя после радостного известия, вежливо, именно вежливо, ротмистр, попросите не поднимать скандал на все Министерство иностранных дел, а обратиться за разъяснениями ко мне. Если чин для них маловат – тогда к начальнику сыскальной полиции, нашему добрейшему Филиппову. Хотя просьбу эту они, конечно, не выполняют.

– Почему же? – спрашивает ротмистр.

– Служба у дипломатов скучная, делать нечего, только плести интриги, – говорит Ванзаров. – А тут отличный повод скандал закатить. Все-таки развлечение. Такой шанс они не упустят.

Пристав сурово нахмурился. Джуранский, прихваченный речным ветерком, раздумывая, как барышня. Только Ванзаров, стряхнув ледышки с усов, смотрел на белеющее тело, будто знает о нем что-то важное.

Воспоминания полковника Макарова Николая Александровича, заведующего Особым отделом Департамента полиции⁷

Не думал, что вернусь к тем событиям. Однако сейчас, спустя много лет, когда их участников или тех, кто был о них осведомлен, давно уже нет, а мне осталось немного, настало время вспомнить все. Вспомнить для потомков. Тем более что записки эти увидят свет, когда меня не станет. Такова моя воля. Наследникам моим поручаю передать их господину Гривцову, в свое время доставившему мне столько хлопот своим беспокойным любопытством. Ему же разрешается поступить с моими записками и прочими документами по этому делу по своему усмотрению. Буду рад, если он найдет в них нечто для себя полезное.

Хочу вспомнить добрым словом штабс-ротмистра Особого отдела полиции, моего лучшего сотрудника Юрия Жбачинского. Он знал свое дело и считал, что работа с агентом должна напоминать игру. Он не жалел ни сил, был изобретателен и удачлив, и ни один агент его не был разоблачен. А ведь они имели дело не с уголовниками, а с террористами-революционерами.

Политический сыск для Жбачинского был не просто службой. Он боролся с врагами империи с такой страстью, на какую вообще способен офицер секретной полиции за скромное жалованье в полторы тысячи годовых.

В тот день Юрий Тимофеевич шел на свидание с малозначительным агентом Совкой с крайней неохотой. Агент новый, задание у него первое, что-то вроде учебного боя. Жбачинскому хотелось как можно скорее получить отчет и сразу направиться на прием Департамента полиции в ресторане «Донон». Штабс-ротмистр настолько несерьезно относился к Совке, что позволил себе опоздать на четверть часа, согреваясь коньяком в «Cafe de Paris»⁸.

Когда же явился он в квартиру на Крюковом канале, которую снял для секретных встреч, Совка задернула шторы и включила электрический свет. Не снимая пальто, Жбачинский прошел в гостиную с большим круглым столом:

– Прошу прощения, срочное совещание.

Девушка не ответила.

– Ну-с, что у нас нового за прошедшие двадцать три дня?

Жбачинский всегда точно помнил, когда состоялась последняя встреча.

Он сразу заметил встревоженный вид агента, хотя искренне считал, что любой женщине бледность к лицу. Жбачинский не позволял себе смешивать работу и личные пристрастия.

Совка молчала.

Штабс-ротмистру захотелось кончить ненужную встречу.

⁷ Отдельная секретная политическая полиция в составе Министерства внутренних дел, если кто не знает.

⁸ Чудесное местечко! Располагалось в Пассаже, что на Невском проспекте.

– Голубушка, если у вас нет новостей, не беспокойтесь. Поработайте еще месяцок, а если ничего не накопаете, мы для вас что-нибудь придумаем.

Ответа опять не последовало.

Жбачинский встал, решив, что с Совкой все ясно. Обычная пустоголовая кукла, захотела поиграть в шпионов, ничего не вышло, и теперь барышня не знает, как выкрутиться.

– Давайте договоримся: недельки через две, ну, числа 15 января, встретимся здесь, и, может быть, у вас будет что рассказать. А сейчас позвольте откланяться.

Жбачинский протянул ладонь через стол.

Совка посмотрела ему прямо в глаза:

– Юрий Тимофеевич, не знаю, как вам сказать. То, что я узнала, представляет страшную опасность, это такое... Такое...

Штабс-ротмистр постарался быть мягким:

– И что же трагически страшного вам удалось узнать?

– Я вам все расскажу, все... – Совка всхлипнула. – Только, пожалуйста, прошу верить всему. Дайте честное слово, хорошо?

Жбачинский удержался от улыбки и сказал:

– Честное офицерское слово, Совка, поверить каждому слову. Так что стряслось?

– Только прежде выпейте со мной чаю...

Чтобы скорее закончить дело, штабс-ротмистр залпом опрокинул чашечку, в которой плескалась мутно-коричневая жидкость, вроде чая с молоком.

– Теперь я могу узнать страшную тайну, милая Совка?

Мемуары врача 2-го участка Васильевской части Эммануила Эммануиловича Борна

На своем веку повидал я много разнообразных фокусов. Служба врача при участке подразумевает, что перед твоими глазами проходят такие чудеса, каких и сам Гофман никогда не видывал⁹. Мне бы, конечно, засесть за мемуары да описать их подробно. Тогда книжица выйдет изрядная, произведет на общество впечатление изумительное. Господину Чехову до такой расти и расти. Да знаете, Николай, все как-то лень взяться. Да и кому это все нужно?

Вот вы спрашиваете, что же тогда случилось у меня в медицинской. Да уж, случилось. Все время возвращаюсь в своих воспоминаниях к тем счастливым денькам. Кстати, не хотите пропустить рюмашку? Ну, как знаете... А я не откажусь... Ваше здоровье... Ахх... Гххе-мм... Ох уж этот спиртуозус, пристрастился, знаете ли... Значит, вот как было...

Над анатомическим столом из цельной плиты мрамора висела стосвечовая электрическая лампочка под жестяной абажура. Чтобы тела на металлических полках не портились, у меня хранились бруски льда. Закладывал их по секциям стеллажей, а те, что не влезли, держал складом под мешковиной. Даже летом такая холодина стояла, что полицейские накидывали шинель. Так вот. Стоим мы, значит, с господином Лебедевым в этой поморозни и холода совсем не ощущаем. Чайком с коньячком балуемся.

Угощаюсь приятным напитком, а сам думаю: это какое же везение привалило. Мне, скромному участковому врачу, посчастливилось ассистировать звезде российской экспертной криминалистики, самому великому Лебедеву. Скажу вам, Николай, что он действительно производил незабываемое впечатление. Клеенчатый фартук на величественном пузе болтался, как передничек горничной, а фарфоровая чашечка выглядела в его лапе игрушкой.

⁹ Доктор имеет в виду не автора сказочек, а составителя знаменитого учебника судебной медицины, однофамильца и, впрочем, тоже немца.

Теперь таких изумительных личностей вы не найдете. Выродились совсем. А Лебедев был скала. Аполлон Григорьевич отличался отменным здоровьем, обожал жутчайшие сигары, красивых женщин и брал от жизни все. Но мало кто знал, что балагур, произносящий роскошные тосты, занимается вскрытием трупов, определением ядов и поиском причин смерти жертв разнообразных преступлений.

Лет двадцать назад он принял активное участие в создании первого в России антропометрического кабинета при Департаменте полиции. Там проводились измерение и фотографирование преступников по системе Альфонса Бертильони, именуемой бертильонажем. Замерив человека по одиннадцати параметрам, его фотографировали анфас – профиль и составляли учетную карточку. С помощью бертильонажа Аполлон Григорьевич выявил несколько преступников, живших под чужими именами.

А еще Лебедев живо интересовался новинками криминальной науки, особенно дактилоскопией. В Европе дактилоскопия уже стремительно вытесняла бертильонаж, а у нас с начала века появилась лишь пара обзорных статей. Лебедев начал снимать отпечатки пальцев и пытался сам построить систему их распознавания.

Одним словом – великий человек. Ну что-то я увлекся. Вы и сами все это не хуже меня знаете. Так вот. Попиваем гусарский чаек, тут меня Лебедев спрашивает:

– Ну и что вы думаете, Эммануил Эммануилович?

Прямо вот так, как равного. Мне, конечно, польстило. Отвечаю с почтением:

– Надо разносторонне обдумать.

А он мне:

– Что тут думать? Сами все видите. Крайне интересный случай, да. Не закурить ли нам по сигарке? У меня отличные...

Тут я, признаться, смутился. По инструкции категорически запрещено курение в любых помещениях участка, а особенно во врачебной части и мертвецкой. Так ведь Лебедев курил такие особые сигарки, что даже в мертвецкой вынести их дух нелегко. Думаю, ладно, ради такой чести вытерплю и на себя все возьму.

Спасло меня появление господина Ванзарова.

Считаю необходимым сказать об этом малоприятном господине следующее... Ах да, вам же, Николай, говорить бесполезно. Для вас Ванзаров – свет в окошке. А сколько вас гонял... Ладно, ладно, не обижайтесь.

Зашел ваш обожаемый Ванзаров, ни здравствуйте, ни до свиданья, а сразу с порога:

– Что нашли?

Господин Лебедев не растерялся, а смахнул простыню, обнажив тело до пояса, на котором свежие следы вскрытия уже зашиты суровой ниткой:

– Прошу к нашему столу!

Ванзаров смотрит искоса и спрашивает:

– Отогревали?

– Вечно от вас поступает лежалый товар! – отвечает ему. – Только не в этот раз. Тело не успело окоченеть. Почти что теплое.

– Когда же мистер дипломат умер?

– Если судить по температуре тела – часа два назад.

– То есть когда его пристав обнаружил, он был еще жив?

– В том-то и дело, что нет.

– Аполлон Григорьевич, что за загадки, – вижу, Ванзаров сердится.

– Пока не могу сказать. Одно наверняка: у погибшего была ненормально высокая температура тела. Что, как подозреваю, помогло ему продержаться до утра.

– Это все?

Лебедев мне подмигивает:

- Ну как, коллега, расскажем этому наглому господину, что мы нашли?
- Мне-то что, я вежливо молчу. Лебедев продолжает:
- Начнем с того, что вас должно больше всего интересовать: причина смерти...
- Безусловно, – говорит Ванзаров.
- Таковой не обнаружено.
- Я не очень расположен к шуткам.
- Факты таковы: на теле нет следов от ударов или порезов. Внутренние органы не подвергались воздействию. Кровоизлияния нет ни в брюшной полости, ни в легких, ни в черепе. Никаких признаков удушья. Позвоночник не поврежден. Явных следов отравления или употребления алкоголя нет. Нет даже признаков обморожения. Такое впечатление, что здоровый организм выключили. Будто фокусник приказал: «Умри!» – и кролик послушно сдох.
- В таком случае обрадуйте, что удалось установить.
- В желудке найдены следы жидкости, поступившей туда незадолго до смерти.
- Яд?
- В том-то и дело, что нет. Перед самой смертью он пережил нервное возбуждение, которое привело к резкому увеличению физических сил.
- Это вы про застывшую улыбку?
- Это я про то, что перед кончиной он скакал, как горная козочка, и парил в небесах от радости...
- Лебедев помахал руками, изображая птичку. Прямо сказать: довольно массивная птичка, точно не взлетит. Улыбнуться я не посмел.
- А потом его выключили и оставили умирать на льду? – спрашивает Ванзаров.
- Именно так.
- Совсем помрачнел господин Ванзаров. Не обрадовали его новости. Выходит, что дипломат вел себя крайне странно. И зачем на невский лед поперся? Вот пусть и мучается над загадкой.
- Господин Лебедев заметил смущение его и говорит:
- Поверьте, это беспокоит и меня. Если появилась жертва, которая умерла непонятным образом, я могу сделать вывод, что... – Тут он ко мне обращается: – Помогите-ка мне, коллега...
- Кто-то нашел способ убийства, при котором не остается улик, – говорю.
- Вы представляете, что это значит? – закончил он.
- Ванзаров даже поклонился, чего от него не ожидал, и говорит:
- Благодарю, Аполлон Григорьевич, сделали подарок под Новый год.
- Мы с доктором Борном всегда рады вам услуживать, – отвечает криминалист. – Это только начало чудесных сюрпризов. Взгляните-ка сюда...

Воспоминания полковника Макарова Николая Александровича, заведующего Особым отделом Департамента полиции

Поначалу Жбачинский едва слушал. Потом решил, что Совка сошла с ума или нагло врет. Но чем больше она рассказывала, тем мрачнее становилось на душе штабс-ротмистра. Он понял, что поймал не просто удачу, это дело может стать фантастическим успехом. Даже если в рассказе барышни, хлюпающей носом, половина правды, Особому отделу удастся не только утереть нос охранке, но и предотвратить такую беду для государства, по сравнению с которой все революционные террористы – шаловливые детки. Под конец рассказа Жбачинский забыл о приеме в «Дононе».

- Совка взидала на него со страхом и надеждой:
- Вы мне верите, Юрий Тимофеевич?

– Не знаю, что и сказать. Слишком фантастично.

– Значит, нет?

– Поверит ли начальство, вот в чем вопрос. Что еще можно предъявить, кроме ваших показаний?

Совка поставила на стол флакончик темного стекла, какой продается в любой аптеке. Внутри плескалось что-то мутное. Разглядывая, Жбачинский спросил:

– Это оно?

– Да...

– Выглядит безобидно... Есть еще?

– Кажется, да...

– Где хранится?

Совка беспомощно развела руками.

– Велись записи?

– Не знаю. Кажется, секрет смеси доступен каждому, потому что зашифрован в древнем гимне. Его надо только правильно понять.

Жбачинский задумался: если один человек смог расшифровать состав, значит, сможет и другой. Нужны срочные меры, чтобы все осталось в строжайшей тайне.

Но что делать с Совкой? Барышня стала тайным агентом случайно. Год назад приехала в Петербург учиться в Женском медицинском институте, чтобы получить диплом провизора. И вот как-то раз на Литейном проспекте она видела, как хулиган напал на пожилую даму, вырвал сумочку и скрылся в проходном дворе. Городовой побежал за вором, утомился и махнул на это рукой.

Совка зашла в полицейский участок, сообщила о возмутительном происшествии и заявила, что хочет поступить в отделение охраны порядка. Дежурный чиновник чуть чернильницу не проглотил, но в участке как раз оказался Жбачинский.

Обычно в Особый отдел не брали тех, кто предлагал свои услуги. Со времен легендарного Леонида Ратаева¹⁰ в агенты по личной инициативе не был принят никто. Этого порядка мы придерживались свято. Одними отдел интересовался и приглашал. Другим делалось предложение, от которого нельзя было отказаться. К примеру, подследственному прямо в камере предлагались свобода и заработок. Но решительная девушка чем-то приглянулась Жбачинскому, и Юрий Тимофеевич решил вылепить из нее агента. При этом агента «слепого», который не должен догадываться, кому помогает. Штабс-ротмистр отвел Совку в кафе и предложил, прежде чем поступить в отделение охраны, выполнить несколько поручений. Девушка с жаром согласилась.

Жбачинский придумал барышне забавный псевдоним и прочитал краткий курс начинающего агента. Как полагается, штабс-ротмистр доложил о новом агенте только мне. Именно я предложил доверить ей для начала слежку за профессором Окунёвым. Без жалованья, естественно.

И тут мелкий агент приносит такие сведения!

– Хуже всего, Юрий Тимофеевич, – сказала Совка тихим голосом, – что профессор планирует в ближайшее время устроить публичное испытание.

¹⁰ Для тех, кто подзабыл: основатель и первый директор Особого отдела.

Мемуары врача 2-го участка Васильевской части Эммануила Эммануиловича Борна

Аполлон Григорьевич тычет указательным пальцем в грудную клетку, как раз туда, где имеется особая деталька. А деталька эта довольно хитрого свойства: черная звездочка, криво, но точно изображенная. Вроде как простейшая татуировка.

Ванзаров спрашивает:

– Это что значит?

Лебедев опять ко мне поворачивается и говорит:

– Насколько понимаю, пентаграмма. Верно, коллега? Помните «Фауста»?

Как не помнить. Гимназии все кончали. Как сейчас перед глазами сцена, когда Фауст призвал Мефистофеля. Мефистофель предложил Фаусту познание всех тайн в обмен на его душу. Но бес не смог выйти из кабинета ученого, потому что над дверью висела пентаграмма. Перехитрил ученый совратителя рода человеческого.

– Что ж, мило, – говорит Ванзаров. – Секретарь американского посольства делает татуировку, защищающую от дьявольских сил. Нашему Министерству иностранных дел сей факт особо будет приятен. Осталось узнать, чего же он боялся. Не это ли привело его на лед...

– Пятиконечную звезду использовали и тайные общества, – говорит Аполлон Григорьевич и мне с хитринкой подмигивает. Ну, я все понял, молчу со знанием дела.

Ванзаров ему отвечает:

– Тайные общества – по ведомству охранки и господина Герасимова.

– Хотите спихнуть дельце?

– С какой стати?

– Ну, раз так, порадуя еще одной, я бы сказал, забавной мелочью...

И Лебедев простыню до самых пяток скинул.

Что сказать? Служба в сыскальной полиции закаляет характер. Ванзаров и бровью не повел. Другой бы на его месте на охи и ахи изошел. Чего доброго схлопотал бы неизгладимое впечатление, вплоть до полного лишения чувств и способности деторождения. А этот – будто ничего не случилось. Скала спокойствия. Просто изучал редкое зрелище, и все.

Зрелище и впрямь редкое, даже для врачей.

Лебедев, конечно, ожидал большего, загрустил и говорит:

– Между прочим, распространенное в природе явление: двунастие, или гермафродитизм. Греки считали его божественным. Что же касается данного экземпляра, очень редкий случай так называемого полного ложного двунастия. *Hermaphroditismus verus bilateris*, как говорим мы, истинные знатоки латыни, не то что чиновники сыскальной полиции.

– Могу ли надеяться на более доступное изложение? – говорит Ванзаров.

– Сколько угодно. Существо перед вами – полноценная женщина со слабо развитыми молочными железами. Только с дополнительными мужскими половыми органами. Могла жить как нормальная девушка до тех пор, пока не решила выйти замуж. Даже если учесть, что нашелся бы любитель редкостей, такие случаи в литературе описаны, бедняжка физически не могла стать матерью. Впрочем, как и отцом.

Господин Ванзаров строго так посмотрел и говорит:

– Господа, прошу дать слово, что эта информация останется тайной до окончания следствия. Все-таки секретарь американской миссии. Международные осложнения нам ни к чему. Надеюсь, понимаете?

Лебедев эдак комично в струнку вытянулся и как гаркнет:

– Не извольте беспокоиться, господин начальник!

Не зря чаек пили.

Гостю нашему в характере не откажешь. Словно ничего не заметил. Лезет за пазуху, вытаскивает какой-то клочок бумаги и Лебедеву показывает:

– Что думаете об этой надписи?

Аполлон Григорьевич присмотрелся и спрашивает:

– Где раздобыли?

– Лежал в паспорте мистера секретаря. Так что вы думаете об этом?

Я присмотрелся: на обратной стороне выведено слово «soma», только чернила расплылись под самый край обрывка. Странное слово, вроде знакомое, но что означает, не могу вспомнить.

– То же самое, что и вы, – Лебедев ему отвечает. – Надеюсь, греческий не забыли?

– Не забыл. Только смысла в этом научном термине не вижу.

– А на той стороне, что от нас с доктором прячете?

Ванзаров клочок поворачивает. Вижу: господин какой-то и барышня за ним руки за голову закинула. Странная какая-то картинка.

– Это кто же таков весь симпатичный из себя?

– Надеюсь, мой старинный знакомый, – говорит Ванзаров. – Постарайтесь узнать, чем его или ее, не знаю, как правильно, напоили...

И не попрощавшись, выходит вон. Чрезвычайно странный господин. Как его Аполлон Григорьевич терпел? До сих пор понять не могу. Он, конечно, гений, но совесть тоже надо иметь. Ай, да кому я это говорю... Так я еще рюмашку... Не желаете?.. Ну как хотите...

Воспоминания полковника Макарова Николая Александровича, заведующего Особым отделом Департамента полиции

Жбачинский любил повторять, что страх – клеймо слабых людей. Юрий Тимофеевич считал себя сильным человеком, который никогда не растеряется. Уж поверьте мне. Но сейчас он испугался. Если те, кто будоражит рабочих на петербургских заводах, узнают об открытии профессора, то... В результате начнется не просто хаос, а катастрофа. Не о наградах думать, о спасении Отечества.

Но что делать с Совкой?

Штабс-ротмистр принимал решения мгновенно. Он нащупал в кармане брюк шелковый шнурок, не переставая нахваливать ее, обошел и начал поглаживать плечи девушки, как бы успокаивая и утешая. Дальше все должно быть просто.

Совка не поняла, что случилось. Она хватала пальцами воздух, но достать душиителя не могла. Шнур сдавливал горло. И тогда на последнем дыхании она потянулась к спицам, забытым на столе, сжала кулачком и с размаху воткнула позади себя.

Раздался хрип, под тяжестью оседающего тела удавка вонзилась в горло и резко ослабла. Хватая ртом воздух, как рыба на льду, Совка сорвала петлю.

Штабс-ротмистр бился в конвульсиях, цепляясь за жизнь, пытаясь вырвать спицы из гортани. Я думаю, в этом последнем бою он сражался не за себя, а за империю, над которой нависла беда. Жаль, что в тот раз судьба поставила на другого. Жбачинский дернулся и затих окончательно. И проиграл.

Все еще тяжело дыша, барышня выскользнула из квартиры. Тело штабс-ротмистра осталось на полу. Он лежал один в темноте.

Папка № 2

Просмотрев заметки, я с грустью понял, что нынешний читатель не поймет, отчего это Ванзарова вызвали с утра пораньше на невинный лед. Придется исправить эту ошибку.

К 1905 году Родион Георгиевич имел чин коллежского советника, хотя по-прежнему числился чиновником для особых поручений. Формально он состоял в штате сыскной полиции¹¹. Но на самом деле распоряжения ему отдавал лично начальник Департамента полиции, а порой и министр МВД. Такое особое положение устраивало всех. Ванзарова не смели дергать на мелкие и незначительные преступления, а если начальству требовался дельный чиновник для особых случаев, он всегда был под рукой.

Кого-то эти тонкости, быть может, оставят равнодушным, но для меня это мед воспоминаний, в который так сладостно погружаться. Чины, звания, подчиненность, иерархия, сама полицейская служба из нынешнего далека кажутся бесполезной шелухой. Но что делать, если эта шелуха была всей моей жизнью. Вернее, лучшей ее частью. Ну, и довольно об этом.

Кабинет Ванзарова располагался на этаже сыскной полиции. Надо сказать, что сыскная полиция Петербурга была крайне незначительна. Весь управленческий аппарат, как бы сказали теперь, состоял из десятка чиновников. Плюс по чиновнику и полицейскому надзирателю в каждом участке. Вот и все. Эксперты и филеры привлекались по мере необходимости. Поэтому начальник сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов был рад иметь под рукой такого нужного человека. И не поскупился на целый кабинет. Замечу, что, кроме сыскной полиции, в большом полицейском доме на Офицерской улице, 28, располагался 3-й участок Казанской части и сам полицеймейстер 2-го отделения¹² подполковник Григорьев. Все жили компактно и не жаловались на тесноту. Вот так-то.

Вернувшись из 2-го Васильевского участка, Ванзаров нашел на столе утренние сводки, отдельно донесение о происшествии, с которого прибыл, и записку от Филиппова со слезной просьбой разобраться с этим «мерзким» делом непременно сегодня, несмотря на новогодний праздник.

Позволю себе еще одно дорогое моей душе воспоминание. Кабинет Родиона Григорьевича я помню так подробно, будто только вчера был у него. От всех прочих он отличался скромностью и спартанской неприхотливостью. Правда, кроме обязательных портретов государя-императора, министра внутренних дел и градоначальника, там еще висела копия «Сикстинской мадонны» Рафаэля.

Письменный стол с приставленным столиком для совещаний, несколько венских стульев, рабочее кресло, шкаф для хранения деловых бумаг, этажерка с необходимыми справочниками и сводом законов, настенные часы. На стене – ящик телефонного аппарата. В темном углу пряталась узкая консоль с гипсовой копией бюста Сократа, на которую господин Лебедев любил закидывать шляпу, демонстрируя меткость и презрение к порядкам. Ну, не будем отвлекаться.

Просмотрев сводки ночных происшествий, Ванзаров собирался с духом, чтобы доложить директору Департамента полиции Алексею Александровичу Лопухину, какая радость на них свалилась. Но его прервали. Решительно постучав, в кабинет вошел Джуранский, печатая шаг, встал по стойке «смирно» и попросил разрешения доложить. Армейские привычки в нем были неистребимы. Судя по чрезвычайной строгости обращения, ротмистр был чем-то глубоко взволнован.

¹¹ Особо возмутительно, что автор «Пяти капель смерти» выдумал Ванзарову странную должность: заместитель начальника сыскной полиции. Во-первых, не заместитель, а товарищ, вот как это называлось. А во-вторых, чистая глупость и незнание наших полицейских реалий.

¹² Столица была разделена на четыре отделения. В состав каждого входило примерно десять-двенадцать участков.

Ванзаров предложил сесть. Джуранский послушно опустился на краешек стула и сразу же заявил:

– Ничего не понимаю!

– Не поняли, что вам сказали по-американски? – предположил Ванзаров.

– Нет... То есть, конечно, понял. Они же по-французски все говорят. Дипломаты, одним словом. Тут другое.

– К фактам, ротмистр.

– Прихожу в миссию, представляюсь, требую дежурного чиновника. Выходит приятный господин. Докладываю ему о гибели сотрудника. На меня смотрят, как на идиота, простите. Говорят, что это какая-то ошибка. Поясняю: никакой ошибки нет, тело во 2-м Васильевском. Тогда меня просят подождать. Через четверть часа, не меньше, выходит мужчина крепкого сложения, среднего роста, волосы черные, вьющиеся, глаза карие, весом четыре пуда. Представляется мистером Санже. Выражает полное непонимание, спрашивает: нельзя ли расценивать мой визит как полицейскую провокацию, направленную на подрыв российско-американских связей?

– Успокоили дипломата?

– Так точно. Спросил у него паспорт.

– Он показал документ?

– Официально заявил, что я нахожусь на территории Северо-Американских Соединенных Штатов и власть российской полиции здесь не распространяется.

– Резонно. Как вы повели себя на земле чужого государства?

– Предложил съездить в участок, чтобы дать показания.

– На что вам предложили отправить запрос через Министерство иностранных дел, а пока выметаться с территории США.

Джуранский сердито хмыкнул:

– Так точно... Я еще спросил, не был ли потерян паспорт мистера Санже...

– Но эта информация оказалась строго конфиденциальной, – закончил Ванзаров. – Очень хорошо. Одним дипломатическим скандалом меньше.

– Думаете, паспорт Санже потерял?

– Мог и в карты проиграть. Или на бильярде. Дипломаты такие затейники.

– Нет, Санже в карты играть не будет, – сказал ротмистр. – Он *спортс-мэн*. Боксирует в полулегком весе под именем Слай, часто выступает на открытых турнирах боксерского клуба. Под своей фамилией статус дипломата, наверно, не позволяет. Да вы его наверняка видели на ринге.

– Ах, это он... Да, Слай ловкий и быстрый соперник. Как интересно получается... Спасибо, Мечислав Николаевич, за бесценные сведения. Сделайте запрос в 4-е Делопроизводство МВД¹³, не было ли заявления о потере паспорта иностранным дипломатом.

Ротмистр уточнил, есть ли какие-то еще поручения, и отправился исполнять без лишних вопросов.

Ванзаров открыл сырой паспорт. Чернила уже поплыли, но документ выглядел исключительно подлинным. Если подделка, то очень высокого класса. Таких мастеров в столице давно не бывало. Быть может, гости с Юга. В Одессе обитают выдающиеся фальшивомонетчики. Купюры подделывают так, что эксперты приходят в замешательство. Таким паспорт подделать – легкая разминка. Только что им делать в столице в беспокойное время? Скорее всего, они тут ни при чем.

Паспорт и обрывок фотографии были заперты на ключ в ящике стола. Ванзаров взял справочник «Весь Петербург за 1904 год» и проверил адрес. Его знакомый, как и прежде,

¹³ Занималось иностранными подданными, пребывавшими на территории России.

проживал на Васильевском острове на 3-й линии, как раз под сенью 2-го участка. По странному совпадению дом его располагался не так уж далеко от Тучковой набережной и Биржевого моста.

Папка № 3

Наверное, Ванзаров подбирал слова, чтобы напомнить, кто он такой. Но старания пропали зря. Ему торжественно распахнули объятия:

– Кого я вижу! Какая встреча! Кто к нам пожаловал! Сатрап и палач, жандарм и душитель свободы!

– И я рад вас видеть, Ирис Аристархович, – ответил Ванзаров. – Спасибо, что не забыли. Только я не жандарм. Служу при сыскной полиции. Если угодно – сыщик. Но не палач.

– Да знаю, знаю! – закричал профессор Окунёв на всю лестницу. – Обидеться вздумали, студия мой непутевый? Так это зря! Искренно рад вас видеть. Жандарм или сыщик – какая разница. Душить свободы – и точка. Вообще говоря, я вас и на порог пускать не должен за то, что вы с собой сделали.

– Как видите, цел и даже несколько упитан.

– Ах, это глупости! Кого волнует телесная оболочка. Но что вы натворили с вашей научной карьерой! Кому сказать: лучший студент вместо того, чтобы заниматься наукой, отправляется служить в полицию! Это чудовищно! Неслыханно! Позор! За это вас стоило прогнать немедленно... Но, так и быть, заходите!

В квартире профессора было не топлено. Хозяин на домашний халат накинул теплый плед. Гость должен был снять пальто из вежливости. Ванзаров давно не бывал здесь. В кабинете с прежних времен мало что изменилось. Полутьма, глухие шторы, шеренги книжных шкафов с золотыми корешками, письменный стол под зеленой лампой. Над ним репродукция с гравюры Рембрандта: доктор Фауст вызывает светящийся шар с магическими письменами. К запаху пыли примешивался тонкий аромат чего-то изысканно неприятного.

Ванзарову указали на шаткий стульчик. Профессор уселся в скрипящее кресло и пристально посмотрел на бывшего студента.

– Как вижу, служба преступному режиму идет вам на пользу, – сказал он с безразличной миной.

– А вы чем теперь занимаетесь? – Ванзаров попробовал наладить светский разговор.

– Все тем же, коллега: беспощадно борюсь с глупостью религии. И поверьте мне, пройдет не так уж много времени, когда мы разоблачим ложь, которой потчуют народ все эти попы, муллы, раввины и прочие. Надо освободить сознание человека от рабского преклонения перед несуществующим призраком и дать ему свободу. Только отказавшись от религии, человек может ощутить всю красоту этого мира и наполнить свою жизнь весельем. Пора уже растоптать эту гадину, которая принесла столько бед. И еще принесет, поверьте мне. Но ничего, близится час расплаты. За все воздадим: за костры инквизиции, за все эти языческие камлания, называемые литургией, за 365 запретов, за вопли муэдзинов, за вертящиеся барабаны. Человеческому ничему этого не нужно. Чем скорее он это осознает, тем быстрее вступит в эпоху счастья. Все эти опиумные, по выражению Маркса, грезы разлетятся дымом. И тогда человек увидит правду: небеса пусты.

– Что же человек увидит без бога? – спросил Ванзаров.

– Он увидит глубины свободы!

– Вы полагаете?

– Это вопрос решенный!

– Как скажете, профессор.

– В вас говорит полицейский! – закричал Окунёв. – В человеке есть все, что нужно. И только в нем. И нигде более. Не надо выдумывать миражи... Пойдите, а зачем это вы пожаловали? Не вести же со мной богословский диспут.

Ванзаров согласился, что пришел не за этим. И спросил, может ли он рассчитывать на помощь. От профессора не потребуется служить преступному режиму, нужно всего лишь узнать одного человека. Окунёв немного покапризничал и согласился, не устывая повторять, что такое одолжение делает исключительно бывшему студенту. А полицейскому – никогда.

Поблагодарив со смирением, Ванзаров извлек фотографию жертвы, показал профессору и спросил, известен ли ему этот господин. Окунёв презрительно фыркнул:

– Ради этого навести меня после десяти лет забвения? Вы стали мелочным, Ванзаров...

Что ж, раз это вам так нужно... Да, я знаю этого человека. Это мой хороший и давний друг.

– Как его зовут?

– Наливайный Иван Иванович. Вам достаточно?

– Где он проживает?

– Понятия не имею! Кажется, в Нарвской части... Позвольте, а что за снимок такой странный... Глаза закрыты, волосы в беспорядке. Где вы это взяли?

– Обычный снимок полицейского фотографа.

– Иван арестован?! Он в тюрьме?!

– К сожалению, нет. Сегодня утром его нашли мертвым на льду Невы.

Вырезка из газеты «Петербургский листок» за декабрь 1904 года (Затесалась среди документов. Зачем? Уже не помню)

В петербургском окружном суде произошел вчера крайне редкий инцидент. В 3-м уголовном отделении под председательством г-на Карчевского должно было слушаться дело о запасном фельдшере М. Иванове, обвиняемом по 2-й ч. 1612-й ст. и 3-го п. 1610-й ст. уголовного наказания (поджог). На судебное заседание были вызваны присяжные заседатели и многочисленные свидетели. Явился и сам подсудимый, находившийся до этого на свободе.

Приступая к рассмотрению дела, председательствующий объявил заседание открытым, но тут оказалось, что Иванов мертвецки пьян. Рассматривать дело при полной невменяемости обвиняемого представлялось решительно невозможным.

После заявления об этом товарища прокурора окружной суд постановил дело запасного фельдшера М. Иванова ввиду его безобразно-пьяного состояния отложить слушанием, а самого обвиняемого-пьяницу заключить под стражу. Присяжные заседатели и свидетели распущены.

Папка № 4

Окунёв схватился за виски и зарыдал в голос. Слезы катились крупными градинами. Лицо пошло красными пятнами, с носа свесилась мутная капля. Ванзаров предложил воды, но его оборвали жестом. Профессор глубоко всхлипнул, охнул и отер слезы рукавом, словно артельщик.

– О боже, какая трагедия, – проговорил он. – Как это случилось?

– Именно это необходимо выяснить, – ответил Ванзаров. – Могу рассчитывать на вашу помощь?

– Помощь?.. Какая тут помощь... Чем теперь поможешь... Его нет... И все... Что же теперь делать-то?

– Вы были близкими друзьями?

– Да-да, вроде того...

Профессор перестал замечать гостя, о чем-то размышляя. Глаза его суетливо бегали, словно он попал в западню и старался найти выход из неразрешимой ситуации. Наконец, будто очнувшись, он спросил:

– «Нашли мертвым» – это что значит на вашем полицейском жаргоне?

– Тело обнаружил городской при утреннем обходе, – ответил Ванзаров.

– Что же это получается: Иван замерз ночью?

– Не совсем так: господин Наливайный был, скорее всего, убит.

– Ванзаров, объясняйтесь яснее. Я не понимаю вашей белиберды «скорее всего»! Или забыли, что такое речь культурного человека?

– Если это так интересует, ради вас нарушу тайну следствия. Вашего друга напоили довольно необычным веществом. Очевидно, после этого он шел куда-то поздней ночью, ошибся дорогой, вышел на лед, упал и замерз. Как отпетый пьяница. Если ему не помогли и в этом.

– Какая трагедия... Но что же теперь делать?

– Что вас беспокоит?

– Беспокоит? – закричал Окунёв. – У меня погиб бесценный друг, а вы еще спрашиваете о беспокойстве!

– Спрошу о другом: господин Наливайный был у вас в гостях?

– Нет-нет, его не было, – быстро ответил профессор. – И меня не было.

– А где вы были?

– Пригласили на новогодний бал Бестужевских курсов почетным гостем.

– Бестужевские... Это поблизости, на Васильевском?

– Да, на 10-й линии. Меня видели сотни людей. Коллеги поднимали в мою честь тост. Я не возвращался ночью в маске, чтобы отравить Ивана.

– Я вас не подозреваю.

Профессор печально усмехнулся:

– О, я вижу вас насквозь! Вас уже интересует, есть ли у меня алиби. И это ваша благодарность за помощь?

Ванзаров заверил, что очень благодарен профессору.

– Могу ли задать непростой вопрос, Ирис Аристархович? – спросил он.

Профессор махнул рукой: мол, теперь уже все равно, делайте что хотите.

– Вы знали, что Иван Иванович был... не в полном смысле мужчиной?

– Уже и в это нос сунули, – сказал Окунёв презрительно. – Да, я знал его тайну. И что с того? Он нес свое бремя мужественно. Ему было нелегко. Он много страдал и мучился, искал утешения в религии, но нет религии, что утешила бы гермафродита. Понимаете это?! Что ему оставалось? Он мог бы покончить все разом, но выбрал жизнь. Каждый день он шел на невидимый подвиг. И каждый день побеждал. Это заслуживает уважения.

– Господин Наливайный где-то служил?

– Это было выше его сил. Да и кто бы принял... такого.

– Чем же он добывал средства к существованию?

– «Существованию»! – передразнил Окунёв. – Это вы точно сказали, господин полицейский. По-иному его жизнь не назвать... Иван в деньгах не нуждался.

– Богатые родители?

– Да поймите, Ванзаров, что приличные люди не спрашивают даже своих близких друзей, откуда у них деньги! Это неприлично!

– Давно с ним знакомы?

– Не меньше, чем с вами...

– Тоже был студентом нашего университета?

– Нет, он не учился... Кажется, сам получал образование.

– Вы видели у него на груди пентакль?

– Что-что? Изъяснитесь яснее.

Ванзаров пояснил наглядно. И получил еще одну презрительную усмешку:

– Уж не думаете ли вы, что мы раздевались друг перед другом? За кого вы меня принимаете?! Вы лезете грязными лапами в душу человека, у которого погиб близкий человек!.. Позвольте, а как вы вообще узнали, что мы с Иваном... знакомы?

– У него был найден обрывок вашей фотографии.

– Моей фотографии? – поразился профессор.

Ванзаров показал обрывок. Профессор взглянул и плотнее закутался в плед.

– Ничего не понимаю... – пробурчал он.

– Не узнаете снимок?

– Понятия не имею. Не помню... Какая разница...

– Тогда не считите за труд, Ирис Аристархович, очертить круг друзей господина Наливайного.

Окунёв скинул плед, бросился к стене, увешанной фотографиями, и плотно прижался к ней спиной.

– Я никого не знаю, – торопливо сказал он. – Мне нездоровится, прошу вас не злоупотреблять нашим знакомством, господин полицейский.

– Любое предположение: кто мог напоить Ивана отравой...

– У Ванечки не было врагов и не могло быть... Он... был... чудесным, искренним и отзывчивым к чужим бедам. Убить такого доброго человека – большой грех. Умоляю вас, найдите как можно скорее его убийцу.

Извинившись за беспокойство, Ванзаров встал и неожиданно нацелил палец в пол:

– Что у вас там сверкает?

Окунёв слишком быстро нагнулся, как будто ожидал найти золотой луидор:

– Где?.. Что сверкает?.. Что такое?

– Ах, извините, показалось, – сказал Ванзаров. – Наверно, свет бликует. Кстати, зачем Ивану американский паспорт?

– Не знаю ни о каком паспорте... Прошу вас, уходите.

– Иван Иванович упоминал слово «сома»?

– Неужели служба в полиции настолько отшибает мозги, что вы забыли азы древнегреческого? Даже если упоминал – что тут такого? Уходите скорей... И не ждите от меня приглашения заглянуть еще. Я не желаю больше вас видеть. Считайте, что мы больше незнакомы. Прощайте...

Ванзаров поклонился и вышел в прихожую. Окунёв закрывал собой проем кабинета и так в этом преуспел, что позволил гостю самому отпирать входную дверь.

– Господин Окунёв, официально прошу вас не покидать столицу в ближайшую неделю. Вы можете быть вызваны для дачи дополнительных показаний.

Дверь захлопнулась с такой силой, что порыв ветра шевельнул холеные усы вороненого отлива.

Папка № 5

Ателье семейных портретов г-на Смирнова располагалось на нечетной, то есть солнечной стороне Невского проспекта. Через стеклянный потолок весь день льется свет, создавая естественное освещение, а экономия электричества увеличивает доход.

За стеклянной дверью с надписью «Cabinet portrait» находилась просторная приемная с образцами творчества фотографа Смирнова в золоченых рамках. Обычно здесь толпились посетители, желавшие запечатлеть себя для потомства, но в предновогодний день царила тишина.

Ассистент фотографа по фамилии Ельцов, розовощекий юноша с идеальным пробором и бархатной бабочкой, с изысканным достоинством осведомился, что угодно. Ванзаров спросил маэстро. Оказалось, тот отлучился по делам.

– Мне хотелось бы знать: отдаются ли негативы заказчикам?

– Довольно редко, если сами просят, – ответил Ельцов. – Чем вам помочь?

Ванзаров экспромтом соорудил историю: якобы дама, его бесценный друг, снялась на групповом снимке с подругами и мужем, а после уехала в Тамань и умерла, и у него ничего не осталось на память о любимом существе.

Молодой человек искренне проникся и согласился помочь. Надо было только указать, когда сделан портрет. Расчет определил: не позже конца ноября. Ведь фотография в кабинете не успела покрыться пылью.

– На чье имя? – уточнил чувствительный ассистент фотографа.

– На имя господина Окунёва.

Ельцов тщательно водил пальчиком по конторской книге, перелистнул страницы, для верности просмотрел весь ноябрь и даже октябрь, но ничего не нашел.

Оставалось одно. Покинутый влюбленный прилежно описал снимок.

Профессор Окунёв мирно восседает в кресле. За его спиной стоит прекрасная дама. Над головой она подняла руки острым конусом. Слева от него – молоденькая барышня с тонкими чертами лица. Одну руку она отвела в сторону, держа прямо, другую опустила под углом к полу. Позу, зеркальную этой, приняла третья девушка, что оказалась с правого бока профессора. Внизу удобно разлегся Иван Наливайный. Согнув ногу в колене, а другую привольно вытянув, он подпирает щеку левой ладонью, а правую вытянул в приветствии, вид имел веселый и чуточку шутейный. Не надо обладать богатой фантазией, чтобы увидеть в композиции фигуру пентакля.

– Ну конечно, я помню этот удивительный снимок! – торжественно заявил Ельцов.

– Так неужели могу надеяться, что...

– Такая жалость, но с ним пришлось расстаться.

Оказывается, сегодня рано утром, как только ателье открылось, зашла дама и спросила негатив. Она пояснила, что на снимке запечатлена ее сестра, трагически погибшая накануне. Приказчик растрогался, не смог отказать, при этом не взял денег с убитой горем женщины.

– Она назвала фамилию заказчика?

– Да, упоминала, кажется...

– Не сочтите за труд вспомнить.

Подняв глаза к потолку, Ельцов поморгал, но не смог вспомнить ничего. Как видно, память совсем девичья.

– А день, когда был сделан снимок?

Приказчик растерянно промолчал. Оставалось поинтересоваться, как выглядела дама. Ельцов мечтательно зажмурился:

– Прекрасное черное платье... Она такая... такая красавица... Сложно описать, на лице вуаль...

– Отчего же вы решили, что красавица?

– Я почувствовал это! – ответил юноша с неподдельным трагизмом.

Горестную атмосферу прервал дверной колокольчик и звонкий голос:

– Какое счастье! Родион Георгиевич! Наконец-то!

Сам хозяин заведения, модный фотограф Смирнов, бросился к Ванзарову. Как-то раз Ванзаров помог ему выйти из затруднительного положения и с тех пор был для фотографа желанным гостем. Переждав бурю восторгов и жалоб, что дражайший Родион Георгиевич совсем позабыл-позабросил, Ванзаров изложил свою просьбу. Возможно, найдется случайная копия снимка.

Смирнов принялся терзать конторскую книгу.

– Помню-помню дурацкое фото... – приговаривал он, листая записи. – Такие странные господа, захотели, видите ли, сделать оригинальный портрет... Да вот оно! Точно, двенадцать дней назад сделали. Прекрасно помню!

– На чье имя заказ оформлен?

– Неразборчиво написано, как курица лапой, что-то вроде Завальный, Навальный, Повальный...

– Быть может, Наливайный?

– О да, вы правы – Наливайный! Еще подумал: какая смешная фамилия... Так вы с ним знакомы?

– В некотором смысле. Не вспомните, как снимок делали?

– Обыкновенно. Я предложил выбрать пейзаж, то есть задник. Они остановились на греческом виде. Дамы сели, мужчины у них за спиной встали. Все как обычно. И тут им вдумалось затеять шутивную фотографию. Местами поменялись и вот такую живую картину устроили.

– Идея была пожилого господина?

– Откровенно говоря, меня попросили выйти, чтобы они могли обсудить. Такие странные! А когда вернулся, уже приняли задуманные позы. Кто это из них затеял, уж не знаю.

– Кому не понравилась обычная композиция? Кто предложил все поменять? Кто-то из барышень?

Смирнов задумался, напряженно стиснув губы, и сказал:

– Вот ведь не могу вспомнить... Но не барышни, точно. Те и рта не открыли.

– Могу ли надеяться на копию?

Фотограф юркнул за портьеру, скрывавшую лабораторию. Вернулся он, победно размахивая мятым клочком:

– Нашел! На ваше счастье, испортил один снимок при печати, а мусор еще не выброшен.

Бумага сильно пострадала и пошла трещинами, в верхнем углу зияла дыра, но лица участников сохранились отчетливо. Не хуже, чем на стене Окунёва.

Ванзаров предъявил фото приказчику:
– Нет ли здесь того, кто забрал негатив?

Ельцов опять затерялся в раздумьях и наконец боязливо выговорил:
– Кажется, это он... – Аккуратный ноготок указал на замерзшего, вскрытого и зашитого господина Наливайного.
– Вы же сказали, что приходила дама, – напомнил Ванзаров.
Под грозным взглядом хозяина Ельцов совсем растерялся и пробормотал:
– Я плохо запомнил...
– Честное слово: выгоню! – пообещал маэстро Смирнов. – Не позорь меня перед господином Ванзаровым! Отвечай толком!
– Темно было... Не разобрал...
– Темно?! У нас?! – поразился Смирнов. – Да ты пьяный никак! Точно пьяный! Весь день как ненормальный какой-то: то смеется, то песни поет. Думал: влюбился. А ты, брат, укушался. Ну конечно, вон морда вся пылает. Ну все... Ну я тебя...

Ванзаров спросил, чья это чашка стоит на конторке. Смущенно потупившись, Ельцов признался, что это его кофе с молоком. Прихлебывает между делом. Маэстро порывался разорвать нерадивого приказчика, но Ванзаров убедил фотографа, что полностью доволен и узнал все, что хотел. Даже выразил благодарность от имени сыскальной полиции.

– Да за что же меня благодарить? – поразился Смирнов.
– Во-первых, за бесценную улику. Но самое главное, что на фотографиях ставите подпись ателье яркими золотыми буквами. Издалека видно.

Воспоминания сотрудника петербургской сыскальной полиции ротмистра Джуранского Мечислава Николаевича

Так вот, Николай, информация была столь срочная, что я решил разыскать начальника. Дежурный чиновник сказал, где Родион Георгиевич может быть сейчас. Хотя он и знамени-

тость, а обязан оставлять сведения о своем местонахождении. Мало ли что вдруг понадобится. Одно беспокойство, но нельзя иначе – служба. И вот как пригodiлось.

Прискакал я в ателье Смирнова, вижу через дверь: Ванзаров допрос с кого-то снимает. Юнец какой-то совсем поник. А рядом господин с бантом на шее бесится. Ну, все понятно. Мешать нельзя. Я на Невском решил ожидать. Принял самый непринужденный вид. Даже насвистывал, хотел огорошить новостью. Не все ему меня в тупик ставить. Выходит он и сразу ко мне:

– Уже сведения раздобыли? Похвально.

Я ему: так точно! И уже хотел огорошить, а он говорит:

– О потере паспорта мистер Санже не заявлял и новый не представлял.

Честно скажу: растерялся. Стоило в министерство ездить да из чиновников душу вынимать, чтобы вот так взял человек и угадал. Не понимаю, как это у него выходит. Просто загадочный талант.

Тут Родион Георгиевич улыбается в усы, думает, незаметно, а я-то все вижу, вытаскивает фотографический снимок, сильно помятый, и указывает на господина, развалившегося на ковре.

– Узнаете? – говорит.

У меня глаз наметанный, такую задачку враз раскушу. Отвечаю: это же наш покойный Санже. Вернее, не Санже, а как назвать – не знаю.

– Верно заметили! – говорит. – Только этот господин сегодня утром, примерно часов в десять, заходил в ателье забрать негатив.

Думаю: опять проверяет. Ладно, не лыком шиты.

– Не может быть, – отвечаю.

– И я того же мнения, – Ванзаров мне. – Лебедев так тщательно произвел вскрытие, что прогуливаться ему крайне затруднительно. Тогда что?

– Врет свидетель.

– Возможно. А возможно, и не врет. И это самое интересное. Курочкина на поиски снарядили?

– Так точно... Все ему передал.

– Благодарю. Тогда еще одно поручение. Отправляйтесь в Бестужевские курсы и выясните, в котором часу вчера вечером к ним на бал приехал профессор Окунёв. Вот он на фотографии в самом центре восседает. Фигура колоритная, его все знают. Вроде бы пригласили почетным гостем.

– Поручение выполнено! – рапортую.

Тут уж Ванзаров попался. Смотрит удивленно:

– Каким же образом?

А я ему:

– Новогодний бал Бестужевских курсов будет... только завтра вечером. Знаю наверняка. У меня там... Меня пригласили. Они и залу только-только украшать начали.

– Интересно, – говорит Ванзаров. – Какое ценное у вас знакомство.

– Скажу больше: не мог господин Окунёв быть там почетным гостем. Она мне... У меня точные сведения: Окунёва на Бестужевских на дух не переносят. Как-то раз пригласили читать лекцию, так он такое начал проповедовать против религии, что сама начальница выставила его вон. Так ведь он в долгу не остался, закатил истерику, кричал, дескать, жалкие обыватели не могут понять великий замысел Фауста, и все в том же духе. Скандал вышел ужасный. С тех пор ни за что его не пригласят. Врет ваш профессор как сивый мерин.

– Может, и врет, – кивает Ванзаров. – Раз вы так хорошо осведомлены, не вспомните ли еще какое-нибудь происшествие, в связи с которым упоминалась бы фамилия Окунёва. В сводки ничего не попадало?

– Еще как вспомню! – докладываю, аж удовольствие испытываю. – В начале декабря было сообщение о странном происшествии в лекционном зале Соляного городка. Помните?

– Нет, не помню...

– На воскресной лекции пьяные приказчики устроили скандал, кажется, хотели побить лектора. Но тут из толпы зрителей возникла дама и хладнокровно выстрелила в хулиганов. Когда прибыл городской, дамы и след простыл. Кто она такая, установить не удалось. Лектор заявил, что видит ее в первый раз, и устроил форменный скандал в участке. Знаете, кто был этот лектор?

– Профессор Окунёв.

– Так точно!

– Как все интересно, – говорит Ванзаров, а сам о чем-то думает. – Что ж, Мечислав Николаевич, вы превзошли себя. Блестящий результат. Вы очень помогли.

– Благодарю! – А у самого мурашки по коже от такой чести. Нет бы удержаться, так ведь дернуло меня за язык. На радости говорю: – А давайте этого профессора отвезем к нам на Офицерскую или в арестантскую 2-го Васильевского!

– Это зачем еще? – спрашивает.

Слышу, голос у него изменился, но меня уже несет:

– Солгал – значит, скрывает. Раз скрывает – значит, он и убил этого Санже. Вернее, не Санже, а как его...

– Поспешный вывод. Обман не красит Окунёва с моральной точки зрения, но преступником не делает. Теперь у него нет алиби на вечер 30-го.

– И только?

– Существует множество других причин, по которым он не может быть с нами откровенным.

– Какие же?

– Скажем, он принимал даму, замужнюю. Боится скомпрометировать.

Тут я и говорю:

– А давайте его... – и показываю, как бы вытряс из профессора душу.

Родион Григорьевич помрачнел и говорит:

– Головой надо работать, ротмистр. А вот это, – передразнивает мой жест, – оставим жандармам и охранке. Кулаки в сыске бесполезны.

Ну что тут поделаться? Опять в лужу сел. И как ему это удастся?!

Распекать меня, как обычно, Ванзаров поленился, а поручений насыпал целую кучу. В первых, аккуратно опросить соседей и дворника о привычках и манерах профессора. Затем

проверить по картотеке, не числится ли за ним каких-нибудь подвигов. И самое главное – установить за домом филерское наблюдение. Ну а на сладкое выяснить, где проживает и чем занимается господин Наливайный.

Задание принял, чуть было не козырнул ему, все не могу от этой привычки отделаться, и поймал пролетку. Пролетка тронулась, я обернулся. И вот такая картина: праздник бурлит, витрины магазинов роскошью блистают, публика в приподнятом настроении фланирует. А среди радостной суеты бредет молчаливый господин, словно никого не замечая, и о чем-то размышляет. И нет ему никакого дела до праздника, а только до своей логики. Такой вот удивительный человек. Счастлив, что служил под его началом. Да вы, Николай, и сами знаете...

Материалы к событиям 1 января 1905 года

Папка № 6

Только сейчас я заметил, что, вспомнив кабинет Ванзарова, ни словом не упомянул кабинет Лебедева. Место это было уникальным, если не сказать – исключительным. В давние годы, когда я был еще юным чиновником, этот кабинет производил на меня ошеломляющее впечатление. И не на одного меня.

Кабинет Аполлона Григорьевича располагался в здании Департамента полиции на Фонтанке, стенка в стенку с антропометрическим бюро. Собственно говоря, это и не кабинет был вовсе. Всякий попавший в чудовищное нагромождение вещей чувствовал себя как на складе забытых вещей. Великий криминалист имел привычку не выбрасывать ни единой вещицы.

Здесь скопился миллион предметов, проходивших по всяческим делам. В банках со спиртом плавали человеческие органы, коллекция ножей, кастетов и заточек соседствовала с отличным собранием огнестрельного оружия, на стенах висели театральные плакаты вперемешку с анатомическими таблицами. Шкафы лопались от папок с журналами и специальной литературы. Кое-где богатство вываливалось на пол.

На рабочем столе расположились лабораторные реторты, химикаты, баночки, стеклышки, а в центре беспорядка находилось главное богатство – великолепный английский микроскоп. Кабинет представлял собой нечто среднее между лавкой старьевщика и лабораторией алхимика. В святилище криминалистики витал нестерпимый запах: смесь исключительных сигарок с химреактивами.

Настенные часы пробили полдень. Открыв дверь без стука, Ванзаров протиснулся меж стеллажами и полками, стараясь не получить по голове свалившейся рухлядью. Хозяин кабинета, скинув сюртук и засучив рукава, что-то рассматривал в микроскоп и яростно пыхтел.

– Попался, зараза! – прорычал он и добавил: – Я все слышал, Ванзаров, ко мне нельзя подкрасться незаметно.

Глаза Аполлона Григорьевича покраснели, как у кролика. Его спросили о самочувствии, не заболел ли часом.

– Нет, не заболел! Болезни бояться меня как огня. По вашей милости встретил новый, тысяча девятьсот пятый год в лаборатории. Такой подарок преподнесли.

– Вас никто не заставляет.

– Попробовали бы заставить!.. Хоть с толком провел бессонную ночь. Это значительно интересней, чем пить шампанское и волочиться за юбками, да. В мои-то годы...

Лебедев явно напрашивался на комплимент. Ванзаров протянул мятую фотокарточку:

– Проверить бы по картотеке антропометрического бюро.

Взглянув на групповой портрет, Лебедев обрадовался:

– Это же тот полугосподин, которого я имел честь препарировать. А вот эта – просто редкая красавица, руки домиком держит, надо же. Хотя я с такой роман крутить не стал бы. Что-то есть в ней опасное. Кто она?

– Вскоре узнаем.

– Интересная женщина... Да и эти, что ручки растопырили, тоже ничего. Кто они?

– Вскоре узнаем, – повторил Ванзаров.

– А владелец гарема?

– Профессор Окунёв. Читал мне лекции по древнеримской литературе.

– Собрались отомстить ему за студенческие мучения? Хитро!

– Удалось что-нибудь выяснить? – спросил Ванзаров.

Из хаоса появилась пробирка, наполненная белым порошком.

– А как же! При помощи новейшего метода хроматографии. Заметьте, разработан нашим отечественным ученым Михаилом Цветом, добрейшим человеком и уникальным ботаником. Господин Цвет придумал использовать трубочку с мелом для разделения пигментов зеленого листа. А я приспособил хроматографию для криминалистики. Про это изобретение у нас мало кто знает, но я предрекаю ему грандиозное будущее.

– Так что же нашли? – напомнил Ванзаров.

Лебедев выудил мятую бумажку и сказал:

– Это надо слушать стоя. Ну, вы и так стоите... Извините, сесть некуда... Итак, жидкость из желудка господина Наливайного – смесь молока, меда и мочи животного, возможно, коровы. Есть подозрение, что бедняга употреблял коктейль регулярно.

– Как лекарство?

– Скорее как стимулирующее или возбуждающее средство. В его положении это резонно. С душевными муками надо как-то бороться.

– Замена морфия?

– Вполне возможно. Используя оптическую методику Александра Пеля по определению растительных ядов...

– Нашли какой-нибудь яд? – перебил Ванзаров.

– Яда не нашел, – Аполлон Григорьевич нагло ухмыльнулся. – Зато обнаружил кое-что другое. В состав жидкости входит вытяжка из *Amanita muscaria*.

– Я в ботанике не силен.

– Всеми любимый мухомор. Присутствие этого грибочка многое объясняет. Знаете, в сибирских деревнях мухоморы едят сырыми.

– От голода?

– Для поднятия настроения. Мухомор богат микотропиновыми кислотами, вызывающими галлюцинации. Это грибок быстрее китайского опия приведет в мир грез и фантазий. Но чтобы им отравиться, надо очень постараться. Но это еще не все!

– Ну, порауйте, – согласился Ванзаров.

– Я обнаружил следы *Cannabis*.

– Поганка, что ли?

– Конопля.

– При чем здесь конопля? Из нее веревки делают.

Лебедев победоносно улыбнулся:

– В Англии с середины прошлого века конопля вошла в лечебные справочники фармакологии. Южноамериканские индейцы еще в доколумбовы времена сушили ее, набивали в трубки и курили с большим эффектом для фантазии. Но убить коноплей невозможно. Вывод: отсутствие отравления доказано научно.

Помолчав, Ванзаров сказал:

– Получается, дело можно закрыть.

– Как показало вскрытие, насильственной смерти нет. А раз так, то нет и дела. Несчастный случай, не более. Двухнастие не является преступлением. С точки зрения законодательства господин Наливайный будет признан обычным мужчиной.

Действительно, по закону Российской империи с точки зрения наследственного права Ивана неизбежно надо было признать или мужчиной, или женщиной. Если бы ему было что наследовать.

Ванзаров попал пальцами во что-то липкое и брезгливо отдернул руку.

– Аполлон Григорьевич, скажите честно: считаете, что он тихо скончался?

– Нет, его убили. Причем изощренно, – ответил Лебедев. – Но мое мнение к делу не пришьешь. Ну, закрываем дельце?

– Совсем наоборот.

– Чудесно! Очень меня занимает одна деталька. В состав смеси входит некое вещество, которое я выделил в чистом виде, но не смог определить. Думаю, очень редкое органическое соединение. Скорее всего, очень ядовитое. Скажите спасибо хроматографии гениального Цвета.

Характер великого криминалиста иногда любил преподнести сюрприз. Побороть это было невозможно. Только смириться и терпеть. Все равно пользы от него намного больше.

– А что ваша *хренотография* говорит насчет подштанников жертвы? – спросил Ванзаров с невинной физиономией. – Есть ли какие-нибудь зацепки?

Лебедев легкомысленно отмахнулся:

– Обычное нательное белье, не совсем свежее, правда.

– А что... – начал было Ванзаров, но тут его перебили:

– Хватит науки. Поехали, познакомлю с забавным стариканом. Только, чтобы его разговаривать, надо применить вот это... – Лебедев протянул портсигар: – Вспоминайте уроки курения.

Вспоминать Ванзарову не хотелось. Пагубная страсть могла и вернуться.

– Это необходимо?

– Как ловить сома на воробья: чудаков обожает карты и сигарный дым. Не бойтесь, я вам своих не положил. Здесь гаванские легкие. Буду поблизости, в курительной. Если не справитесь, примчусь на выручку.

От портсигара пахло ароматно сладким. Совсем не так, как от беспощадных никарагуанских сигарок.

Папка № 7

Барона фон Шуттенбаха в Английском клубе предпочитали не замечать. Каждый любитель колоды находил партнера. Но только не барон. Все знали: играть с ним – дурная примета. Если выигрывал, что случалось крайне редко, то у всех партнеров начинались денежные проблемы. Если проигрывал фон Шуттенбах, на игроков обрушивались домашние беды: домочадцы ломали ноги, искра из печи поджигала дом или теща давилась косточкой.

Жуткую репутацию безобидный картежник заработал неумеренным увлечением спиритизмом и болтовней о своих успехах в магии и колдовстве. Поползли слухи, что в полнолуние в окнах его дома видели языки зеленого пламени, а самые отчаянные клялись, что наблюдали, как в ночь на Ивана Купалу барон в голом виде вылетал на метле из печной трубы и носился по Невскому проспекту.

Фон Шуттенбах так долго поддерживал вокруг своей персоны таинственность, что однажды обнаружил: никто не хочет с ним играть. Члены клуба избегали его как прокаженного. С бароном не хотели не то что банчок расписать, но и влегкую поставить на карточку. В последнее время жажду игры он утолял с новичками, впервые переступавшими порог Англий-

ского клуба. Дурная слава имела один положительный результат: уберегла от полного разорения. Фон Шуттенбах практически был нищ и анонимно распродал фамильные драгоценности. Но игра требовала новых жертв.

Ленивой походкой подошел приятный моложавый господин, шлепнулся на кожаную подушку и вынул сигару.

– Позвольте? – спросил он, чиркая спичкой.

Барон пожирал глазами табачный кокон:

– Извольте, извольте...

– Люблю, знаете, после приличного обеда насладиться сигаркой.

Барон уже забыл, что такое приличный обед: утром выкушал пустого чаю. Но это пустяк по сравнению с жаждой играть.

– А не изволите партию? – спросил он самым равнодушным тоном, надеясь, что новичка не успели отравить слухами.

Господин картинно выпустил густое облако и предложил партнеру выбрать место за карточным столом.

Фон Шуттенбах жадно втянул ноздрями ароматный дух и сел спиной к окну. Он верил: это приносит удачу.

– Позвольте представиться, барон фон Шуттенбах.

– Очень приятно. Коллежский советник Ванзаров.

– Николай Густавович...

– Родион Георгиевич...

Партнеры обменялись рукопожатием.

– Позвольте спросить, где служите?

– В Министерстве финансов.

– Превосходно! – Барон, имевший смутное представление о государственной службе, считал Министерство финансов самым доходным местом. И в чем-то был прав.

Подали новую колоду. Ванзаров с хрустом разорвал оболочку, щелкнул брусок и спросил разрешения взять раздачу на себя. Барон был согласен на все.

– Сколько ставим?

Заядлый игрок мучился от безденежья:

– Ну, давайте по рублю...

– Мы же солидные люди, давайте, что ли, по четвертной...

Барон не мог поверить такому счастью: ему попался игрок с деньгами.

Ставка была принята.

Ванзаров перемешал колоду с подозрительным изяществом и сдал. Барон выиграл. Во второй сдаче пришла десятка с тузом и другой выигрыш. И в третьей сдаче счастье улыбнулось барону. А после четвертого раза он имел уже сто рублей. Фон Шуттенбах не припомнил, когда так крупно выигрывал. Вот что значит попасть на новичка!

– Да вы, Николай Густавович, мастер, с вами нужен глаз да глаз!

– Что вы, Родион Георгиевич, так, случайность...

– Отчего бы не поднять ставки? Как насчет полтинничка?

– Я, знаете ли... А впрочем, согласен!

Сдающий скинул две карты, фон Шуттенбах попросил еще и тут же набрал «очко». Удача распахла объятия. Барон выиграл подряд еще четыре раза. Между тем новичок не показывал и тени смущения, как будто такой проигрыш – заурядное дело.

– Поздравляю, Николай Густавович, сегодня ваш день! Такой фарт упускать нельзя. Поднимем ставочку? По сотенке?

Барон возбужденно вскрикнул:

– Принимаю!

Ему пришла маленькая и картинка. Барон рискнул, попросил еще и выиграл. Итого – четыреста пятьдесят рублей! Есть на что шикарно пообедать. И еще отдать самый неприличный долг. Довести до шестисот пятидесяти – и все, остановиться.

В глазах барона прыгали искры безумия, крючковатые пальцы дрожали.

Чиновник Министерства финансов подмигнул:

– Раз такая фортуна, сыграем по две сотенке?

– Принимаю!

Ванзаров сдал. У барона оказалось девятнадцать, у соперника – двадцать.

Просто случайность, сейчас отыграется. Во второй сдаче барон взял надежные двадцать, но у коллежского советника выпало двадцать одно. В третий раз барон рискнул и набрал на трех картах «очко». Соперник показал два туза. Фон Шуттенбах не понял, что проиграл все и уже задолжал сто пятьдесят рублей. В его портмоне жались две десятирублевые бумажки.

После пятой сдачи колода легла на сукно. Барона бил озноб:

– Что же остановились, играем дальше!

– С удовольствием, Николай Густавович, но хотелось увериться, что у вас имеется тысяча шестисот рублей, которые только что изволили проиграть.

Ванзаров своим успехом был обязан Стеньке Угрю. Знаменитый фармазонщик¹⁴ проник к нему таким уважением, что обучил приемам беспроигрышной игры, добавив: «Будет тебе, Георгич, кусок хлеба на старость».

Страшная цифра оглушила: что наделал! Как мог так забыть?

– Простите, вынужден просить об отсрочке... – Барон еле шевелил языком.

Это конец. Остался один выход: продать дом и застрелиться. А какой фарт шел! Еще бы чуть-чуть, и отыгрался...

– Я готов списать долг и угостить прекрасным ужином за маленькую услугу.

– Что вам угодно?

– Сущий пустяк. Расскажите все, что знаете про этот символ.

На зеленом сукне мелок нарисовал пентакль.

– Зачем вам?

– Сугубо личный интерес.

Барон тут же согласился. Его спросили, где он желает отужинать. Старый гурман был не прочь заглянуть в «Донон», где застолье обошлось бы не меньше четвертного. Но согласился на «Медведь».

Ресторан этот был местом примечательным. Гостей встречало чучело Топтыгина размером с мамонта. Мишка держал серебряный поднос с полуштофом и заздравной рюмкой, разевая пасть, будто рывкал: «Пей, да дело разумеи!» Но посетителей часто выносили без признаков сознания. В «Медведе» играл оркестр из двадцати музыкантов, в двух залах помешалось двести пятьдесят столов и еще тридцать в отдельных кабинетах. С осени до весны жизнь была ключом. Публика любила заведение господина Игеля за хорошую кухню, умеренные цены и вольный дух. Как раз для азартного барона.

Ванзаров взял отдельный кабинет.

Николай Густавович так давно нормально не ел, что без стеснений заказал обед из пяти блюд. Когда подали пармский салат, он накинудся коршуном. Разделался с крабовым супчиком, запил тремя бокалами рейнского красного, вытер губы салфеткой и только тогда блаженно вздохнул:

– Что желаете знать о пентакле?

Ванзаров заметил на мизинце фон Шуттенбаха странный перстень:

– У вас пентаграмма на щите у русалки.

¹⁴ Мошенник на языке российских жуликов и воров.

Барон смутился.

– Это древний гностический символ. Прошу вас, не надо шутить на эти темы... Так что именно вас интересует о пентакле?

– Все, что угодно.

Воспоминания Курочкина Афанасия Филимоновича, старшего филера филерского отряда Департамента полиции

Господин Джуранский сведения мне передал такие точные, будто сам видел. Вот что значит школа Ванзарова. Да вы и сами, господин Гривцов, знаете. Бывает, некоторые господа ловкие прикажут: ищи того, не знаю кого.

Я, как полагается, записал установку в филерский блокнот и побежал в Департамент полиции. У нас там, рядом с кабинетом моим и залой, где проводился инструктаж, пряталась тесная каморка, забитая разнообразным платьем, – костюмерная отряда нашего. Для скрытного наблюдения приходится в кого угодно переодеваться: в крестьян, бродяг, извозчиков и прочий неприметный люд.

Пыли у нас там изрядно собралось. Как войдешь – обязательно чихнешь. Костюмерная, конечно, громко сказано, не театр ведь. Так, темный чуланчик, окон нет, духота да нафталин. Костюмы для слежки специально не чистят и не проветривают: чтоб имели натуральный вид. Разжег я газовый фонарь и выбрал: русские сапоги, поддевку, помятую серую фуражку и черную куртку на ватной подкладке. Набор, подходящий для такого случая. Отправляюсь в свой кабинет.

Кабинет – одно название. Угловая комнатенка, отгороженная от общего коридора тонкой перегородкой. Переодеваюсь в тряпье, сажусь перед зеркальцем и бороду с усами наклеиваю. Потом по скулам темным гримом мазнул, по лбу. Сажай ногти натер, как у рабочего люда. Посмотрелся – вроде ничего маскарад вышел, убедительный и незаметный. Народ у нас не дурак, если что не так – сразу фальшивку чувствует. Разоблачат вмиг. Хорошо, если в глаз дадут, а то ведь могут и ножиком пырнуть, всякое с нашим братом-филером бывало. Осторожность нужна. И тщательность. Есть такая профессия – за людьми следить.

Прикинул, куда первым делом загнать. Ну, обошел трактиры дешевые на Петроградской стороне, вроде никого похожего. Весь день на это положил. А на следующий день опять принялся. Понимаю, что ротмистру результат нужен. Да и не ему, наверняка Ванзаров распоряжение отдал. А уж для Родиона Георгиевича надо расстараться. Такой человек!

Потому принялся со всем умом. Обход начался с трактира Арсентьева на Кронверкском проспекте. Заказал у полового чайную пару и шкалик. За теплой беседой под чаек и водочку можно узнать многое.

В зале заприметил субъекта, отчаянно страдавшего. Себе рюмку налил и тому подмигнул. Уговоров долгих не потребовалось, сразу прискакал. Чокнулись за приятное знакомство, разговор завязался. Мужичок оказался местным завсегдатаем, в свободное от трактира время подрабатывал мелкими услугами в ближайшем доме, знал все и про всех. Доложил, что хозяин трактира – жулик, в каток¹⁵ ставит протухшие закуски, половые воруют от хозяина чаевые, а тетка Анфиса снюхалась со слесарем Перовым и теперь бежит к нему, почитай, каждый день.

Я ему водочки подливаю, сам же – только чай, но рюмку держу наполненной. Когда же мужичок объяснился мне в вечной дружбе, осторожно спрашиваю: а не было ли сегодня или вчера компании, которая лихо гуляла? Знаток трактира дает честное слово, что лихих пьянок, как ни жаль, не случилось. Посидел я для приличия еще четверть часика и оставил труженика приканчивать шкалик.

¹⁵ Открытый для посетителей трактира буфет с закусками, нечто вроде шведского стола.

Такая же история повторилось в трактире Москалева на Большой Зеленина. Без всякого результата выпил чайник чаю.

Оттуда направился в трактир Чванова в начале Малого проспекта и выпил еще чаю. Потом заглянул в «Волгу» на Большом проспекте и влил в себя чайник. Кое-как дошел до «Луги», в конце Малого проспекта, и заставил себя осушить новый чайник. Без этого разговор бы не пошел. Но везде повторялось одно: словоохотливые завсегдатаи пили водку, выкладывали всю душу, но подозрительной компании, которая гуляла и спускала вещи, никто не видел.

Обошел я еще пять или шесть заведений Петербургской стороны, уж точно не припомню, и ничего толкового не узнал. Но уж чаю напился так, что вынужден был забежать в глухой двор. Одна срамота. А что делать? Невтерпеж.

Такие вот страдания претерпел. Всякое в нашей службе бывает. Сил уже не осталось. Решил: завтра займусь заведениями Васильевского острова. Только отдохну от этого проклятого чая чуток.

Лекция в общедоступном лектории, что в Соляном переулке, барона Николая Густавовича фон Шуттенбаха «Об исторической роли пентакля»

Должен сказать, господа, что эта тема практически неисчерпаема. Начнем с того, что пентакль принято считать символом черной магии. Хотя это глубочайшее заблуждение. Дело в том, что пентакль – древний и, самое главное, двусмысленный знак. Он может служить как дьявольским, так и божественным силам. Чтобы это стало очевидно, я должен пояснить историю символа. Впервые пентакль появился в древнем Шумере и Египте, там, где, по преданию, зародилась магия. Египтяне называли его Звездой псоглавого Анубиса. В Вавилоне он считался знаком правителя, власть которого распространялась на четыре стороны света.

Вам кажется, что в этом нет ничего магического? Прошу набраться терпения. Впервые особое значение пентаклю придали пифагорейцы. Для них он символизировал цифру 5, то есть символ всеобщего совершенства и священного брака мужского и женского начала, Земли и Неба. Пентакль стал тайным знаком их общины и символом пяти лет молчания, которые должен был выдержать адепт, желавший вступить в тайный союз. Но главный смысл, который пифагорейцы видели в символе, – вечная молодость и здоровье.

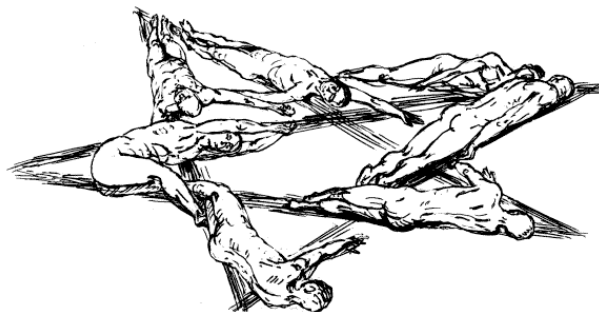
В раннем христианстве пентакль символизирует пять ран Иисуса Христа, или, в числовом толковании, три плюс два, то есть сумму Троицы и двойственной природы Христа: человеческой и божественной. Да, да, именно пентакль, а не крест.

Изначально пентакль был не менее важным христианским символом. Во времена святого Константина, который сделал христианство государственной религией Византии, пентакль встречается чаще креста. И даже на печати самого императора был изображен пентакль. Причем перевернутый, вверх ногами! И он символизировал Преображение Христа.

А дальше значение символа меняется. Пентакль стали считать знаком дьявола после того, как на процессе тамплиеров стало известно, что рыцари молились Бафомету, на лбу которого изображен пентакль. После разгрома тамплиеров пентакль стали почитать как знак, оберегающий от темных сил, и как знак, призывающий их. В магии пентакль получил два совершенно противоположных толкования. Если звезда была повернута лучом вверх – это символ человека. Но если верхний луч повернут вниз, пентакль превращался в козлиную морду.

Более того: человек, расставивший широко руки и ноги, сам является символом пентакля! Впервые про силу фигуры человека, вписанного в пентакль, написал маг Корнелий Агриппа во второй книге «Окультной философии». А великий астроном Тихо Браге опубликовал пентакль с человеком и магическими буквами I-H-S-V-N на концах лучей. Но это еще не все! То, что пентакль – основа совершенной архитектурной пропорции, было известно еще римскому архитектору Витрувию. Об этом вспомнили, когда в Риме был опубликован его

труд «De architectura». Через несколько лет Чезарино написал «Труды Витрувия» и поместил в книге изображение совершенных пропорций человеческого тела на основе пентакля. Что, кстати, использовал Леонардо в знаменитом эскизе, называемом «Витрувианский человек».

Если пентакль наложить на изображение человека, раскинувшего руки и ноги, сверху положить равносторонний крест, затем по углам лучей поставить знаки Меркурия, или алхимического азота, Сатурна, или свинца, Венеры, или меди, Марса, или железа и магнезии, – это будет универсальный символ микрокосмоса, Вселенной, который отражает божественную гармонию Мира в Человеке. Этот символ – краеугольный камень алхимии, теософии, оккультизма и герметизма.

Однако все это известно скорее специалистам. В сознании большинства, в сознании темных масс все куда проще. Один поворот превращает звезду из светлого символа в символ тьмы. Пентакль мог насылать проклятие или стать символом удачи. И все же считалось, что пятиконечная звезда защищает от темных сил. Это поверие основывалось вот на чем.

Сила звезды заключена в символике пяти ран Христовых, которых боятся демоны. Для создания оберегающего талисмана на концах лучей надо было написать пять еврейских букв: «йод», «хе», «шин», «вав» и «хе», что составляло имя Иисуса, или Пентаграмматон.

По представлению современной магии, да-да, не смейтесь, господа, современной, пентакль символизирует соединение божественного и человеческого начала, а если говорить шире – безграничную власть человека над природой. Его избрали в качестве символа Северо-Американские Соединенные Штаты. Было много слухов о принадлежности к масонам отцов-основателей американского государства. Так говорили про Джорджа Вашингтона, который, по слухам, был одним из самых великих Мастеров. Пентакль у масонов называется «Пламенеющая Звезда» и символизирует Человеческий гений, луч Божественного, свет мудрости и абсолютного знания, который придет в мир.

Рассмотрим эту тему подробно...

Папка № 8

Ванзаров положил на стол полицейский снимок:

– Что можете сказать об этом?

Отбросив салфетку, барон внимательно рассмотрел фотографию и явно встревожился:

– Где это нашли... То есть, я хотел спросить, кто это?

– Некий господин. Найден замерзшим на невском льду.

– Пентакль выжжен?

– Насколько знаю – нет.

– У этого... жертвы нет каких-то телесных особенностей?

- Только одна: он – гермафродит. Или она.
- Фон Шуттенбах присмирел:
- И вы знаете, кто это сделал?
- Очень хотел бы узнать. Могу рассчитывать на вашу помощь?
- Барон одарил презрительным взглядом:
- Все ясно. Вы из охраны. Это подло.
- Я чиновник сыскной полиции и подлостями не занимаюсь, – сказал Ванзаров. – Верю, что лучший специалист по магии сможет помочь в раскрытии преступления.
- Недовольно хмыкнув, фон Шуттенбах все же принялся изучать карточку.
- Это не черная магия и не жертвоприношение, – наконец сказал он. – Иначе отрубили бы голову или руку. Резаных ран на теле нет?
- Угадали.
- Маг не посмел бы ставить пентакль на тело жертвы.
- Тогда кто?
- Игры дилетантов. Или привет от нового культа.
- Чем может грозить?
- Чем угодно. Готовьтесь к худшему. Думаю, последуют новые жертвы.
- Культ чего?
- Чего угодно. Забытого божества древности. Могу допустить эротический культ. Пентакль ведь наделялся эротическим значением. Надеюсь, господин Ванзаров, я отдал вам долг? – Барон поднялся.
- Кто из людей вашего круга мог бы пойти на такое? Профессор Окунёв?
- Фон Шуттенбах застегнул две верхние пуговицы английского пиджака.
- О господине Окунёве не имел чести слышать. А в моем окружении нет ни одного, кто бы пошел на такое. Честь имею...

Папка № 9

Бывают случаи, порой незначительные, которые трудно объяснить логикой или рациональными причинами. В своей практике я несколько раз сталкивался с такими совпадениями, какие трудно представить. Оставалось только гадать: случайность ли это или нечто в запланированном порядке вещей указывает или предостерегает? Как шелест шестеренок в неотлаженном часовом механизме указывает на то, что времени, которое показывают эти часы, доверять нельзя. Именно о таком случае рассказал мне сам Родион Георгиевич. И даже подчеркивал, что в нем и был ключ к тайне. Хотя я искренно не понимаю до сих пор, каким образом из этого случая можно было вытянуть ниточку всего дела. Вот что рассказывал Ванзаров.

После ужина с бароном он вышел в общий зал ресторана «Медведь» в «некоторых раздумьях», как сам признался. И не заметил, что заступил дорогу даме. Едва не столкнувшись, он извинился и мельком взглянул ей в лицо. Карие зрачки излучали силу, которая способна обратить в раба любого. В глазах светилась бездна.

Ванзаров смутился и отвел взгляд. Царственной походкой дама направилась в кабинет, не замечая извинений. За ней шествовал в отличном настроении господин, не узнать которого было невозможно: мистер Санже собственной персоной! Отличный боксер в полулегком весе, не раз побеждал на ринге в клубе любителей бокса. Слай бился как леопард, одолевая соперников не силой, а быстрой хитростью. На одном турнире вышел против самого Исмаила Карды, звероподобного турка, с которым отказывались биться другие боксеры. И уже во втором раунде нанес молниеносный удар стамбульскому Голиафу, закончив матч чистой победой.

Чемпион-дипломат пребывал в искрометном расположении духа. Лицо его горело румянцем, глаза лихорадочно блестели, а сам он пританцовывал, выделявая замысловатые

движения руками и чуть не подпрыгивая в канкане. Мистеру Санже было весело настолько, словно он изрядно подкрепился виски или другим горячительным напитком. Как видно, до «Медведя» *спортс-мэн* угощался в питейных заведениях. Или отмечал очередную победу.

Не это настораживало. Ванзаров пытался вспомнить, где мог видеть загадочное женское лицо. Отчего-то это было очень важно понять. Пока он рылся в памяти, пара исчезла в кабинете.

Он дал швейцару чаевые и пошел домой по заснеженной Казанской улице, выбрав самый длинный путь до дома, чтобы проветриться и подумать.

В одиннадцатом часу, войдя в домашний кабинет, Ванзаров сел за письменный стол. Наведя лупу, он принялся изучать помятый снимок. Как ни странно, дамы имели почти одинаково уложенные волосы. И хоть одна повернула личико в профиль, а другие смотрели в объектив, различить их с полной уверенностью было сложно. Черно-белые краски сгладили различия, превратив разных женщин в трех сестер.

Несомненно, в ресторане он толкнул одну из них. Его запутала новая прическа. Женщина, как кошка, меняя прическу, меняет жизнь. Новая прическа – как новое лицо.

Отложив фотокарточку, Ванзаров вскрыл пришедшую записку от Лебедева:

«Коллега! Я перевернул вверх дном картотеку антропометрического бюро. Увы и ах! Милых барышень обнаружить не смог. Видимо, они не общались с полицией. Какая жалость!»

Другая была от Джуранского. Верный помощник сообщал:

«Господин Ванзаров! Имею честь доложить: я лично проверил книги паспортного стола. Господин Наливайный Иван Иванович в Петербурге не числится и не числился никогда. Установить факт его службы в каких-либо государственных учреждениях также не удалось».

Вырезка из газеты «Петербургский листок» за 1904 год (Оказалась в папке)

ШАЙКА МОШЕННИКОВ ОСОБОГО РОДА

В Лодзи действовала чрезвычайно смелая и дерзкая шайка мошенников, оперировавшая главным образом в кругу несовершеннолетней, так называемой золотой молодежи, т. е. сыновей зажиточных фабрикантов и промышленников. Молодежь эта любит проводить все свободное время преимущественно в кафешантанах; родители, люди практичные, не давали своим сыновьям слишком много денег на мелкие расходы.

А тут столько искушений!

Нашлись услужливые приятели, согласившиеся ссуживать влюбленным в кафешантан-ных «див» юнцам деньги под долгосрочные займы. Но что же, однако, оказалось?

Они не только брали ростовщические проценты, но и пускались на различные мошенничества, а именно: пользовались двойными вексельными бланками, плотно склеенными. Верхний бланк был на сумму 500 рублей, нижний на 5000 руб. Должники делали только передаточную надпись на вексель, а предъявителя заемного письма мошенники должны были найти сами. Они обыкновенно записывали кого-либо из семьи должника, а потом уверяли, что он подделал вексель, так как передаточная подпись подлинная. Родственникам приходилось скупать векселя.

Констатирован факт, что некто Х занял только 1000 руб., а векселей оказалось на 25 000 руб., родственники скупили их за 2000 руб. В другом случае вместо 10 векселей в 100 руб. каждый оказалось 100 векселей на сумму 40 000 рублей. Разоблачение этой шайки мошенников произвело в Лодзи большую сенсацию.

**Конспект лекций жандармского корпуса полковника
Герасимова Александра Васильевича, начальника
петербургского Охранного отделения в отставке**

Теперь, господа офицеры, я подхожу к нашей встрече с агентом, назначенной на 2 января. Она навсегда осталась в моей памяти. Скажу больше. Я готов поставить ее в пример того, что офицер политической полиции должен в своей работе использовать не только инструкции и опыт, но прислушиваться к собственной интуиции, не быть глухим к ее голосу. Часто пользоваться таким советчиком недопустимо. Но порой без нее не обойтись. Как определить, что настал момент истины? Кто знает. Быть может, каждый должен совершить столько ошибок, сколько ему суждено. Этот урок я усвоил слишком большой ценой.

Шмель прилетел вовремя и довольно бойко доложил, чем занимается господин Окунёв. Я слушал внимательно. С каждой секундой росло странное чувство, что меня пытаются провести. Никаких конкретных фактов, ни одной существенной ошибки в словах агента не было. Но я буквально шкурой, если хотите – чутьем ищейки, чуял: со мной начали непонятную, двойную игру. Шмель попросту врал. Искусно, мастерски врал. Но для чего?

Чтобы отогнать это чувство, я оборвал визуальный контакт и подошел к окну, впервые повернувшись спиной, нарушив неписаное правило общения с агентом. На той стороне улицы зажигали ранние фонари. Я смотрел на прохожих, попадавших в пятно газового света и вновь растворявшихся в наступающей мгле, слушал доклад и неумолимо чувствовал обман. Это было настолько необъяснимо, что я отказывался верить самому себе.

В квартире для конспиративных встреч потемнело. Я задернул шторы, пошел к выключателю, по пути ударился о стол и зажег лампу под абажуром. От яркого света Шмель зажмурился. Расположившись так, чтобы свет падал в лицо агенту, я поблагодарил за интересный рассказ и предложил небольшую игру: задаю короткий вопрос, отвечать надо сразу, не задумываясь, только «да» или «нет». Агент не возражал.

- Профессор живет один?
- Да.
- Он делает приемы?
- Нет.
- Ходит в гости?
- Наверное.
- Держит химические реактивы?
- Да.
- Много книг по химии?
- Да.
- У него химическое образование?
- Нет... Кажется...
- Много химических колб?
- Да... У него маленькая лаборатория.
- Принимает лекарства?
- Возможно... Нет... Да...
- Глазные капли?
- Не знаю...
- Большая библиотека?
- Да...
- Много томов по литературе?
- Да...

- Много комнат?
- Нет...
- В квартире холодно?
- Нет...
- Пахнет молотым кофе?
- Да...
- Утром пьет чай?
- Нет... Да...
- Любит вино?
- Нет...
- Пьет водку?
- Да...
- Он пьет сердечные капли?
- Нет.
- Часто болеет простудой?
- Нет...
- Где он обедает?
- Что?.. Нет...
- Он обедает дома?
- Не знаю... Да...
- У него кухарка?
- Кухарку он выгнал... Нет...
- Он готовит?
- Не знаю... Нет...
- Ходит за продуктами?
- Нет...
- Он заказывает обеды на дом?
- Я, право... Откуда мне знать! Что за безумные вопросы?

Случайно или нарочно Шмель сбил темп допроса. Это было уже не важно. Я нащупал: Шмель избегает разговора о питании профессора. Случайность? Или за этим что-то есть?

От своего предшественника я был наслышан, как блестяще Шмель умеет входить в доверие к людям, и ни секунды не сомневался, что полоумный Окунёв рано или поздно выложит все.

А если это случилось? Если агент пытается скрыть именно эту, самую главную тайну? Возможно, потому, что профессор действительно изобрел нечто опасное?

Я всмотрелся в красивое лицо Шмеля, пытаюсь найти в нем отгадку. Агент спокойно выдерживал взгляд. Следовало просчитать возможные варианты.

Первый: Шмель ничего не знает, чист как стекло. Профессор – безобидный сумасшедший.

Второй: Шмель узнал что-то, что может использовать в личных интересах. И теперь ставит дымовую завесу.

Третий: профессор Окунёв перевербовал Шмеля, а мы проглядели новую революционную организацию.

Первый вариант можно было отмести. Третий тоже показался нереальным: если б профессор был причастен к организации, то неминуемо попал бы в поле зрения наших агентов. Сеть у нас была раскинута обширная. Следовательно, вариант номер два.

Что же в таком случае открыл профессор?

Молчание затягивалось. Шмель по-кошачьи потянулся в кресле:

– Господин Герасимов, если у вас больше нет вопросов, позвольте удалиться. Время позднее...

– И вот еще что... – Я нарочно взял паузу.

– Да?

– Что за вещество принимает профессор?

– Какую-то микстуру. Кажется, от нервов.

– У какого доктора выписан рецепт? В какой аптеке куплен? Сколько раз в день?

Шмель невинно улыбнулся:

– Такими вещами мне не приходилось интересоваться.

– Выясните, где и у кого получает это вещество. Или сам делает?

– Понятия не имею.

– Необходимо выяснить подробным образом все об этой микстуре и доставить мне образец. Это возможно?

– Разумеется, господин полковник.

– Жду вас здесь четвертого января. В полдень. Надеюсь, двух дней хватит?

– Постараюсь, господин Герасимов. Это все?

– Вы свободны...

Шмель выпорхнул.

Я опять подошел к окну и отодвинул шторы. На той стороне улицы агент садится на извозчика. Я стал припоминать все наши встречи: первый раз Шмель телефонировал сам, а затем я назначал время. Но у меня не было никаких сведений о его месте жительства. Этот маленький факт я упустил из виду. Быть может, адрес указан в его личном деле? Но если вдруг Шмель решит исчезнуть, где его искать? Но с чего бы агенту исчезнуть? Маленькая ложь – еще не признак предательства. Вот если Шмель оборвет связь, это будет значить...

Я не хотел признаться сам себе, что это будет значить. В моей карьере подобного провала еще не было. И быть не могло. И хоть я не мог отделаться от тревожных мыслей, но заставил себя поверить: Шмелю можно доверять.

Только интуиция, которую я не пожелал слушать, твердила, что я совершил ужасную ошибку.

Донесение о наблюдениях за домом профессора Окунёва

2 января 1905 года. Весьма секретно

Имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что, по сделанному Вами распоряжению от 31 декабря 1904-го, было установлено наблюдение за домом № * по 3-й линии В. О. и особо за квартирой, занимаемой профессором И.А. Окунёвым. На филерский пост мною было выделено по два наряда филеров на смену, которая начиналась в 8-м часу утра и заканчивалась в полночь, в составе двух сотрудников отдела филерского наблюдения.

За истекший срок были зафиксированы следующие лица:

Тридцать первого декабря в 5-м часу пополудни прибыла молодая барышня под вуалью. Объекту филерского наблюдения присвоена опознавательная кличка Вертля.

В 7-м часу вечера в квартиру пришла дама, прикрывавшая лицо вуалеткой. Приехала на извозчике. Объекту филерского наблюдения присвоена опознавательная кличка Рыжая.

В 9-м часу вечера объект Окунёв вышел из дома, поймал извозчика и отправился в ресторан «Медведь», где ужинал до одиннадцатого часа. После чего сел на извозчика, вернулся домой. Свет в квартире был потушен за полночь.

В этот же день в 8-м часу вечера дворник Пережигин в отвратительно пьяном виде стучался в квартиру профессора и требовал денег по случаю праздника. Дворник Пережигин в квартиру пущен не был.

Первого января в одиннадцатом часу утра прибыла дама в черном под вуалью. Пробыла в квартире не более четверти часа. На улице взяла сани и поехала в сторону центра. Филер Митрофанов проследил даму до Пассажа, где она сошла. Филер последовал за дамой внутрь. Дама вошла в магазин шляпных изделий, из которого не выходила более полутора часов. Когда филер, потерявший терпение, заглянул в магазин, упомянутой дамы в нем не было. По словам модистки, дама ушла из магазина больше часа назад через черный ход. Объекту филерского наблюдения присвоена кличка Ласка.

Около полудни объект Окунёв вышел из дому. По виду можно было сказать, что он пребывал в скверном расположении духа. Объект взял извозчика. За ним был отправлен филер Пономарев. Профессор поехал в Шувалово, где остановился около зеленого дома. Зашел не более чем на десять минут. По словам околоточного, это дача Окунёва. Постоялец не появлялся здесь с весны. На даче замечены господин и дама, вероятно, семейная пара, но их уже дня три как не видно. С дачи Окунёв отправился в город, где посетил Пассаж,пил кофе в Польской кофейне и отобедал в трактире Родиона на Офицерской. После чего вернулся в 7-м часу и более из квартиры не выходил.

В 9-м часу вечера дворник Пережигин в пьяном виде кричал на весь двор, что «он всех выведет на чистую воду». Дворник был уведен городовым. Ворота на ночь остались незапертыми.

2 января объект Окунёв квартиру не покидал, к нему никто не приходил, о чем и имею честь Вам доложить.

Подпись: старший филер А.Ф. Курочкин

Воспоминания сотрудника петербургской сыскной полиции ротмистра Джуранского Мечислава Николаевича

Начальник мой прочитал филерское донесение и говорит:

– Вам ничего не кажется странным, ротмистр?

Говорю:

– Конечно, странно. Дама, получившая кличку Ласка, с завидной легкостью ушла от наблюдения филеров. Очень странно. Люди Курочкина революционеров сутками ведут, а тут какая-то нимфа в вуалях.

– Верное замечание. Еще.

– Может, крики дворника, что он кого-то на чистую воду выведет...

– Не надо гадать, ротмистр, все у вас перед глазами, – и дает мне донесение. – Прочтите внимательно.

Ну, прочел еще раз. Вроде ничего особенного. Все ясно. Тут Ванзаров и говорит:

– Разве не странно, что барышни Рыжая и Вертля вошли к профессору, но так и не вышли? Об этом в донесении ничего не указано. Куда они делись? Или прижились? Так у него квартирка крохотная.

– А может, он их того... – Не знаю, уж, для чего ляпнул.

– Нет, ротмистр, не «того», а этого. Ваши филеры доблестные их упустили. Непринужденно и легко. Черная лестница под наблюдением?

– Так точно... В смене два человека.

– Передайте мою личную просьбу утроить бдительность. Что говорят соседи и околоточный?

Настроение, конечно, совсем испортилось, опять дурацкая ошибка вылезла, но виду не подаю, докладываю как есть. Соседи о профессоре самого высокого мнения. Вежливый, почтительный. Безобразий за ним не замечено. Иногда допоздна свет горит, но ведь понятно – научный человек. Криков пьяных или прочих скандалов никогда не было. Гости бывают редко, но

все прилично. Молодого человека с длинными волосами чуть не каждый день видели, наверняка Наливайный. Но вот барышни красивые до этого не заезжали. Живет один, кухарки или прислуги не держит. Закопослушный незаметный обыватель.

– Какие-нибудь истории за ним в прошлом числятся?

Проверил по полицейскому архиву – ничего. Чист, как новенький патрон. Но околоточный мне по секрету сказал, что профессор был под негласным наблюдением. Лет пять тому назад наблюдение сняли.

– За что попал под наблюдение?

– Политически неблагонадежный. Лет тридцать назад был замешан в какой-то истории со студенческой организацией. Околоточный точно не знал, что-то вроде террористов-революционеров, название какое-то идиотское, с кровью и смертью, проходил по делу свидетелем.

– Интересно... Не знал за ним таких подвигов. Но это сейчас не столь важно. А теперь, Мечислав Николаевич, выкладывайте козырь, что у вас припрятан.

Даже не знаю, как это он угадывает! Ясновидящий, что ли? Делать нечего, признаюсь:

– У профессора мелкое происшествие случилось. Соседи показали, и околоточный подтвердил.

– Окунёв вспомнил бурную молодость и бросал из форточки самодельные бомбы...

– Никак нет, – отвечаю. – Из квартиры раздавались буйные крики. Причем вопли такие, что соседи пожаловались на ведьмовской шабаш.

– Что вы, ротмистр, так смотрите, будто ожидаете медаль «За беспорочную службу».

– Так ведь это произошло вечером 30 декабря, как раз накануне убийства!

– Часто профессор практиковал танцы на Лысой горе?

– Впервые. Соседи околоточному пожаловались. Тот пришел за разъяснениями.

– Как профессор объяснил происшедшее?

– Смехотворно: якобы изучал вокал. Околоточный хотел написать докладную записку участковому приставу, но не решился. Все-таки профессор, уважаемый человек. Первый раз оступился. Вот это и подозрительно.

– Почему же?

– Так ведь крики-то были вечером накануне убийства! А это значит...

– Ровным счетом ничего, – обрывает Ванзаров.

– То есть как?

– Как вы свяжете тело, найденное на льду, с криками в квартире? Жертву ведь не душили, не резали и каленым железом не пытали. Кто-нибудь видел, что Наливайный был у профессора?

– Таких свидетелей не нашел.

– Не сомневался.

– А ложь профессора? Говорил, что был на бале, а у самого из квартиры вопли разносились.

– Это вопрос интересный, но не доказательство. Фактов не хватает. Логическая цепочка слишком короткая. На шею Окунёву не накинешь.

– А улики?

– Их нет, – как отрезал Ванзаров. – Известно, что Иван Наливайный накануне пил непонятную жидкость, которая не могла его убить. Где пил – неизвестно. Поил ли его профессор или кто другой – неизвестно. Приходил ли к Окунёву – неизвестно. На теле жертвы найден пентакль, непонятно к чему относящийся. Профессор зачем-то лжет, что не был дома накануне убийства, но ревет как белуга, узнав о смерти Наливайного. Накануне из его квартиры раздавались крики. Кто и почему кричал – неизвестно. Какая-то барышня забирает негатив с портретом Окунёва, тремя девицами и Наливайным. Когда филеры хотят проследить гостью

профессора, она благополучно исчезает. А две другие проскальзывают мимо них. Пока мы никого не изобличили.

Тут я возьми да и скажи:

– Предлагаю арестовать Окунёва и произвести строгий допрос.

Ну, что поделать, характер у меня такой. Родион Георгиевич говорит: глубоко чужда мне рассудительность, зато армейской прямолинейности хоть отбавляй. Так и есть. Позволили б – сначала рубил подозреваемого пашкой, а потом выяснял его вину. Так ведь проще. Враг – он и есть враг. Что с ним нянчиться.

Ванзаров сделал вид, что пропустил мое предложение мимо ушей, вручил мне фотографию помятую и говорит:

– Покажите филерам снимок с барышнями, пусть укажут, кого кем окрестили. Чтобы не перепутать клички. Я догадываюсь, кого наши коллеги как обозвали, но надо знать наверняка. Сильно меня интересуют эти красотки. Мы не знаем о них ровным счетом ничего. А профессор никуда не денется.

– Будет исполнено, – говорю.

– И вот еще что, ротмистр. Передайте Курочкину: если завтра гости опять появятся, пропустить их в квартиру профессора, а затем задержать и доставить в участок.

– Есть!

– Установить в ресторане «Медведь» постоянное наблюдение. Загадочные барышни, возможно, появятся там. Также сообщать о появлении в «Медведе» мистера Санже. Одна из них может появиться с ним в ресторане. Как появятся, пусть берут сразу.

– Сделаем. Брать в зале всех?

– На улице, как выйдут. И только ее. К мистеру Санже и пальцем не прикасаться. У него дипломатический иммунитет. Даже если с кулаками будет защищать даму знаменитый Слай.

Хотел я кое-какие уточнения сделать, тут дверь распаивается, и покрасневший с мороза господин Лебедев заявляется.

– Так и думал, что застану! – кричит. – Воскресенье – оба на службе!

Яркая личность. Прямо человек-фейерверк. Как его Ванзаров терпит? Лично мне его выходки не всегда по сердцу. Вот опять, не сняв шубу, грохнул на приставной столик походный чемоданчик и сообщил, что погода прекрасна для романтических знакомств: женщины тянутся к теплу и жмутся к первому встречному мужчине. Ну, разве так полагается себя вести? Понятно, что среди друзей, но все же меру надо знать. А Родион Георгиевич и виду не подает, что раздосадован, я-то его насквозь вижу. Делает вид, что так и надо.

Тут Лебедев хлопает себя по лбу и заявляет:

– Да, кстати! Забыл интересную деталь. Представьте, господа, пентакль на груди Наливайного нарисован не чернилами. Срезал слой кожи и провел анализ: то же самое вещество, которое он употреблял внутрь.

– И что такого? – так спокойно говорит Ванзаров, а у самого аж искры в глазах вспыхнули. Так его заинтересовало.

– Очень даже «что такого»! Внутри он принимал его, смешивая с молоком и медом, очевидно, чтобы не вредить желудку, да. А при наружном применении смесь годится для татуировки. Вот так!

Ванзаров просит у меня снимок, достает лупу, рассматривает и заявляет:

– Теперь мы знаем, кто давал Наливайному эту смесь. Есть факт, прямо указывающий на того, кто его поил.

Мы с Лебедевым даже переглянулись.

– Откуда мы это узнали? – он спрашивает.

Ванзаров предъявляет нам снимок:

– Здесь неопровержимая улика.

– Но, позвольте, нельзя же делать вывод о виновности только потому, что эти люди находятся рядом с жертвой?

– Конечно, Аполлон Григорьевич, нельзя.

– Тогда не понимаю...

Тут я счастье попытал:

– Полагаю, улика в знаке?

– Нет, Мечислав Николаевич, пентакль к делу не пришьешь.

Лебедев руки вверх поднял:

– Все, добивайте, мы с ротмистром признаем свое поражение. Не всех природа одарила талантом предвидения.

Ванзаров передает лупу и говорит:

– Предвидение тут ни при чем. Присмотритесь внимательно к этому милому пальчику...

Воспоминания Курочкина Афанасия Филимоновича, старшего филера филерского отряда Департамента полиции

На следующий день опять принимаюсь за то же самое. Чай уже видеть не могу. Деваться некуда – служба! Петроградку всю обошел, остаются заведения Васильевского. В других частях искать бесполезно.

Выскочил из дворового ретирадника, в который всю ночь бегал, и отправился в трактир Степанова. Время раннее, народу почти не видать, уселся за первый попавшийся столик, осматриваюсь.

Скажу, что трактир Степанова слыл местом пристойным: половые чистые, отскобленный пол, механический оркестрик¹⁶ тренькает. И пахло здесь не кислятиной пополам с перегаром, а деревенской избой.

Столы почти все пустые, в дальнем углу примечаю четверых мужиков. По всему видно, давненько сидят, стол заставлен тарелками, чайниками и пустыми графинчиками. По мордам судя, пьют отчаянно. Самый младший, не привыкший к кутежам, спит в селедке. И так они под описание подходят, что как нельзя лучше.

Подбегает половой, я его спрашиваю:

– Скажи-ка, любезный, что за люди там гуляют?

– Вологодские, артель ледорубная, – отвечает.

– И давно празднуют?

– Как перед Новым годом заглянули, так и сидят. На Рождество у нас такую кучу денег спустили, что страшно! А тридцать первого приходят – опять пачка. Хоть и мокрая.

– Это как же?

– Да деньги мокрые. Но на чай – не жалеют. Чудные! Вам-то чего принести?

Я по привычке чаю попросил. А сам за ними приглядываю.

Мужик, который главным показался, развалился на лавке, полез в штаны и вытягивает цепочку, любителю часами золотыми.

Тут уж самовара дожидаться я не стал. Выскочил из трактира, отбежал на угол и дал сигнал тревоги двойным свистом. На вызов прибегают трое городских с ближайших постов, вытаращились на доходягу-рабочего, ничего не понимают, кто такой, что свистеть право имеет. Я им быстро объяснил, кто тут главный. А дальше пошло как по маслу.

Влетаю в трактир, следом постовые топают, шашками гремят.

– Полиция! – как заору. – Сидеть смирно! Всех порешим!

¹⁶ Большая шарманка, которую ставили в трактирах для развлечения публики.

А чтобы чего не вышло, хватаю за руку ближнего мужика и кисть захламливаю, как учили. Мужик взвыл, на нем французские браслеты¹⁷ защелкиваю. Все, попался.

Больше трудностей не было.

Мальчишку, что не выпался в селедке, все глазами сонно хлопал, выволокли за шкуру. Он не сопротивлялся. А детина самый здоровенный попытался было драпануть, так его с ног сбили и угостили сапогами по ребрам. Он и затих. Последний пьяно засмеялся и сам подставил лапы под браслеты. Чисто сработали, одним словом.

Пьяную компанию городовые сбили в кучу и погнали к выходу. А я под стол залез. И выискал то, ради чего принял чайные муки. Мужской костюм и пальто бобрового меха в узел скрутили.

Чудной у нас народ. Столько добра награбили, нет чтобы из столицы подобру убраться да денежки с умом потратить. Так они на водку все спустили и сами попались. Верно господин Джуранский их описал: человека четыре, артельщики-ледорубы, а не наши злодеи столичные. Неумелые, первый раз на грабеж пошли, вот и попались. Видно, по следам ротмистр их вычислил. Такой молодец. Говорят, в кавалерии все мозги вытряхиваются. А наш ничего – герой.

Вырезка из газеты «Петербургский листок» за 1905 год (Для чего-то оставил)

АРЕСТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВОРОВКИ

Мещанка Галанчикова, проживающая в доме № 4 по Николаевской улице, проходя по Невскому проспекту, увидела свою бывшую прислугу, служившую у нее около года тому назад несколько дней и скрывшуюся во время отсутствия хозяйки из квартиры с разными ценными хозяйскими вещами на сумму до тысячи рублей. Галанчикова задержала воровку и передала ее дворнику дома № 73 по Невскому проспекту для препровождения в участок, но по дороге туда задержанная бежала и спряталась во дворе дома № 1 по Дмитровскому переулку. Прибывшие сюда чины сыскной полиции после продолжительных поисков нашли бежавшую в одном из темных подвалов дома; она лежала под большим пустым ящиком, возле которого валялись на земле два паспорта и пять ломбардных квитанций на заложенные ценные вещи. Доставленная в управление сыскной полиции задержанная оказалась профессиональной воровкой, крестьянкой Тверской губернии Дарьей Арсентьевой Бариновой, судимую уже два раза за кражи и разыскиваемой по многим другим кражам.

Баринова совершала свои кражи в разных домах, куда она поступала прислугой, причем всегда предъявляла паспорт на чужое имя. Паспорта она добывала посредством найма прислуги для самой себя. Воровка обыкновенно оставалась на месте не более нескольких дней, затем совершала кражу и исчезала. Пока Баринова созналась в четырех кражах.

Жалобная исповедь Акима Пичугина, дворника дома по 3-й линии Васильевского острова

Уж как есть не виноватый ни в чем, господин хороший. Когда и бывали упущения, но вот свят крест, ничего в тот раз не умысливал, и слыхом не слыхивал, и провинности моей никакой, значит, не имеется. Зря на меня господин околоточный так взъелся. Вы уж замолвите словечко, а то ведь совсем от него житья нет. Ест, проклятый, и нет никакого спасения. Ко всему цепляется, все ему не так, даже общественную улицу мету – все ему мало. Как будто я в той истории повинен. А ведь как было?

¹⁷ Наручники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.